

RESEARCH

НЕКОТОРЫЕ РЕЛИКТЫ АКТИВНОГО СТРОЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ. ЧАСТЬ 4

Е.В.Зарецкий

Франкфурт, ФРГ

Summary: Some possible relics of the active(-stative) typology in the Indo-European languages, modern and ancient, are discussed. Indo-European languages are compared with the active Native American languages.

Важнейшим реликтом активного строя в индоевропейских языках являются **безличные конструкции**. Можно предположить, что именно в имперсонале сохранилась одна из основных характеристик активного строя, практически полностью исчезнувшая в анализированных индоевропейских языках, – неноминативные субъекты при глаголах состояния и неволитивного действия, а также при наречиях, называемых иногда словами категории состояния при исключительно предикативном употреблении. После исторического обзора различных точек зрения на генезис имперсонала мы продемонстрируем на примере конструкций со стативными и неволитивными глаголами из современных активных языков, что и семантика, и грамматическая организация таких конструкций совпадают с аналогичными характеристиками индоевропейского имперсонала.

Древнеримские грамматисты, в т.ч. Элий Донат (IV в. н. э.), считали безличными только конструкции восприятия, чувств и ощущений типа *puget, paenit, libet*, а также формы пассива на *-tur* (типа *itur*), называемые сейчас безличным пассивом и связанные формально со стативным спряжением индоевропейского праязыка [Schmidt 1987: 2-4]. Конструкции с *verba meteorologica*, которые в современном языкознании обычно описываются как центральные среди безличных, они к таковым не относили. Уже тогда возникновение имперсонала объясняли желанием говорящего акцентировать действие или страхом перед высшими силами, которые он не решается называть по имени (отсюда табуизирование имён, выразившееся в конструкциях типа ‘Зевс дождит’ > ‘Дождит’).

М.П.Сацердос (VII-VIII вв.) выделял те же группы безличных конструкций, но дополнительно указывал на возможность использования аблативного агенса в латыни (речь идёт о конструкциях, эквивалентных рус. *Человека убило молнией*; инструменталь в латыни отсутствовал).

В XVII-XVIII вв. под влиянием аристотелевской логики в европейской лингвистике распространилось мнение, что безличных конструкций не

существует и не может существовать, поскольку двучленность любого высказывания обязательна, истинно безличными могут быть только инфинитивы. Соответственно, исследователи тех времён, как и некоторые современные, искали за формами 3 л. ед. ч. ср. р. безличных глаголов некие скрытые и невыражаемые силы, которые, по их мнению, додумываются или, по крайней мере, когда-то додумывались носителями языка. Ниже будет представлен обзор таких мнений.

М.Бозе пишет в *Grammaire Générale* (Paris, 1768), что так называемые безличные конструкции, к которым он причисляет и метеорологические, на самом деле личны: в одних субъект не стоит в номинативе, но всё же присутствует, в других он опущен, но может быть восстановлен, напр. 'Дождит' = 'Небо дождит' [Schmidt 1987: 9].

Английский исследователь Дж.Бэсит утверждает в *Hermaeologicum* (Menston, 1659), что безличных глаголов не может быть так же, как не может быть «gold without weith and fixation» [цит. по: Schmidt 1987: 10]. Ещё один английский лингвист, Дж.Харрис, писал в 1751 году, что «[t]he doctrine of impersonalia has been justly rejected by the best Grammarians, both antient and modern. In all which places they will see a proper Nominative supplied to all Verbs of this supposed character» [цит. по: Schmidt 1987: 10]. В 1762 году Дж.Пристли отметил в книге *A Course of Lectures on the Theory of Language and Universal Grammar*, что существование имперсонала противоречило бы логике, потому лат. *Pluit* 'Дождит' представляет собой эллипсис от *Caelum/ aer pluit* 'Небо/ воздух дождит' [Schmidt 1987: 317].

В том же духе высказался А.И.Сильвестр де Саси в *Principes de Grammaire générale* (1803): по его мнению, форма третьего лица сигнализирует наличие неопределённого, неизвестного субъекта, который всегда «додумывается» говорящим, хотя и не называется вслух [Schmidt 1987: 11].

В.Вундт, комментируя немецкие выражения типа *Es blitzt* 'Сверкает [молния]', *Es regnet* 'Дождит', *Es wurde geschossen* 'Стреляли', отказывается называть их безличными на том основании, что субъект в них не отсутствует, а остаётся неопределённым [Schmidt 1987: 44]. К.фон Прантль писал в 1875 г. в статье «Reformgedanken zur Logik», что субъект при безличных глаголах – это «неопределённая всеобщность восприятия мира» [цит. по: Schmidt 1987: 45].

Братья Гримм, хотя и не видели в форме 3 л. ед. ч. ср. р. глаголов типа 'Дождит' скрытые обозначения богов, всё же полагали, что немецкий формальный субъект *es*, как и его аналоги, включая глагольные окончания, имеет денотат – всё неопределённое, неизвестное, тайное. Потому глаголы типа лат. *Pluit* отражают веру в некие неопределённые, мистические силы [Schmidt 1987: 21].

А.фон Зеефранц-Монтаг перечисляет некоторые мифологические толкования имперсонала в своей работе *Syntaktische Funktionen und Wortstellungsveränderungen: Die Entwicklung «subjektloser» Konstruktionen in einigen Sprachen* в качестве примеров «несуразностей из истории науки» [Seeffranz-Montag 1983: 31-32]:

- в 1885 году В.Шуппе писал в статье «Subjektlose Sätze. (Mit besonderer Rücksicht auf Miklosichs "Subjektlose Sätze")», что немецкий

формальный субъект *es* на самом деле обозначает всеобщность конкретного бытия;

- Х.Амман высказал мнение (1929 г., статья «Zum deutschen Impersonale»), что *es* – это имманентный субъект описываемого явления, противопоставляемый человеческому «я», чуждый ему и проявляющий свою суть в описываемом процессе;
- А.Мейе в известном труде *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes* (1903) исходит из того, что субъектом безличных глаголов является более или менее определённое божество;
- В.Бранденштайн писал в 1928 г. в статье «Das Problem der Impersonalien», что субъектом в безличных конструкциях является само описываемое действие;
- О.Бехагель в работе *Deutsche Syntax: Eine geschichtliche Darstellung* (том 2, 1924 г.) назвал субъектом безличных конструкций саму описываемую ситуацию;
- Е.Бек выразил в монографии *Die Impersonalien in sprachpsychologischer, logischer und linguistischer Hinsicht* (1922) мнение, что немецкий формальный субъект *es* представляет собой «место в реальности», где происходит описываемое действие.

А.фон Зеефранц-Монтаг называет такие мнения «авантюрными логически-философскими, психологическими или культурофилософскими спекуляциями» [там же].

В 1928 году Л.Шпитцер писал в книге *Stilstudien*, что безличное местоимение *es* есть выражение мистической фантазии человека, природы в целом, бога, это «глухое окно, через которое мы смотрим в бесконечное и через которое бесконечное, похоже, смотрит на нас» [цит. по: Schmidt 1987: 22].

Немецкий исследователь В.Хаферс (первая половина XX-го века) считал, что древнему человеку была присуща склонность искать во всём причинность, в том числе производителя действия. Соответственно, безличных предложений, по его мнению, не существует и существовать не может, потому что изначально производитель действия, несомненно, был найден и выражался лексически, и если он не выражается сейчас, то только из-за эллипсиса [Schmidt 1987: 33]. Формальные субъекты, по его мнению, имеют денотатами всевозможные божественные и потусторонние силы.

Х.Регула придерживался в 1950-е годы точки зрения, согласно которой формальные субъекты в отдалённые исторические эпохи имели значение, но со временем потеряли его, т.е. демифологизировались, см. статью «Das Impersonalienproblem in allseitiger Beleuchtung» [Schmidt 1987: 23].

Изредка можно встретить подобные объяснения и в современной лингвистике. Так, по мнению Б.Дарнена, 1973 год, *It is raining* ‘Дождит’ является эллипсисом от *The rain is raining* ‘Дождь дождит’ [Schmidt 1987: 317]. В.Адмони исходил из того, что в немецком языке предложения могут быть только двусоставными, и безличные конструкции не являются исключением (см. *Der deutsche Satzbau*, München, 1970) [Schmidt 1987: 56]. Т.Калепки полагал, что у формального субъекта *es* хотя и нельзя определить значение точно (как и у некоторых других немецких слов типа *Dingsbums*), но всё

же оно присутствует [Schmidt 1987: 60]. По мнению Ф.Шмита, *es* следует считать заменой скрытого субъекта [Schmidt 1987: 61]. В.В.Иванов, комментируя хеттскую конструкцию *Nu-mi I.NA Kat-ti-mun-ua lu-uk-ta-u* 'Для меня (*mi* – дат.-вин. п.) в городе Каттимува рассвело', высказал предположение, что первоначально здесь могло употребляться подлежащее 'солнце' ('Меня в городе Каттимува осветило/ озарило солнце') [Иванов 1965: 131]. Однако, как отмечает сам Иванов, этому объяснению противоречит то обстоятельство, что глагол *luk-* 'светать' в новохеттском не являлся переходным. На первичное употребление данного глагола могла бы пролить свет его принадлежность к спряжению *hi-* или *mi-*, но он засвидетельствован и в активных формах (3 л. ед. ч. прош. вр. *lukzi*), и в медиопассивных, т.е. бывших стативных (3 л. ед. ч. прош. вр. *liktat*).

Поскольку в России после 1991 года наблюдается возврат к культурологическим толкованиям некоторых грамматических феноменов, нередко можно снова встретить объяснения типа следующего: «Языческое табу на именование потусторонних сил, совершающих различные действия над человеком и природой, хранят безличные формы глаголов: *знобит, морозит, светает, моросит* и т.п.» [Манакин 2004: 44].

Таким образом, распространённой с самого возникновения лингвистики можно назвать точку зрения, согласно которой за формальными подлежащими и эквивалентными им формами глагола 3 л. ед. ч. ср. р. скрывается либо нежелание называть производителя действия, либо незнание, неуверенность в том, кто его произвёл. Все упомянутые выше авторы исходили из того, что любое высказывание как минимум двучленно, потому конструкций без субъектов не существует, а в случае отсутствия поверхностного, выраженного лексически субъекта его можно восстановить, т.е. он присутствует на глубинном уровне. Основой такого подхода к имперсоналу является аристотелевская логика, которую, как отмечает У.Шмидт, по мнению многих современных учёных, необходимо либо переосмыслить, либо вообще от неё отказаться [Schmidt 1987: 41]. Отчасти это уже происходит в современном языкознании. Так, в *Дудене* 1984-го года (том «Грамматика») авторы отказываются от двучленности предложения [Schmidt 1987: 56].

Примечательно, что большинство упомянутых выше авторов восстанавливает для имперсонала скрытые или опущенные субъекты именно в номинативе, игнорируя саму возможность существования иных грамматических организаций предложения, чем та, которая доминирует в современных индоевропейских языках. Заметим также, что хотя многие учёные реконструируют для первичного индоевропейского общества веру в богов неба, земли и утренней зари [Meier-Brügger 2002: 67], т.е. тех самых субъектов действия, которые, по мнению перечисленных выше авторов, опускались в выражениях 'Светает', 'Дождит' и т.п., необъяснённой остаётся универсальная для индоевропейских языков глагольная форма имперсонала 3 л. ед. ч. ср. р.

Одним из наиболее веских обоснований двучленности индоевропейских безличных конструкций типа *Дождит* является материал ведийского языка, в котором бессубъектные *verba meteorologica* встречаются редко,

зато довольно частотны выражения с именами божеств в качестве каузаторов метеорологических явлений [ср. Елизаренкова 1982: 391-292]. Имеются, однако, все основания полагать, что такие субъекты являются вторичными, тем более что в том же ведийском широко распространены бес-субъектные предложения, обычно встречающиеся в языках с развитым имперсоналом. Так, Т.Я.Елизаренкова пишет, что «[с]амостоятельное предложение в ведийском языке образует личная форма глагола, при которой нет подлежащего. Субъект глагольной формы всегда бывает выражен окончанием, употребление же соответствующего личного местоимения или именительного падежа существительного не является строго обязательным» [Елизаренкова 1982: 392]. Что касается предложений с аффективными (аккузативными) субъектами, то они в ведийском языке также присутствовали, но преимущественно на самой ранней стадии развития, что говорит об их древности [Speyer 1896: 74].

Другим популярным объяснением природы безличных конструкций, особенно в XIX веке, было сохранение реликтов первобытного языка, отбравшего особенности примитивного, полуживотного мышления и ограниченных умственных способностей. В данном случае речь идёт не об остатках деноминативного строя, а именно об особенностях первобытной речи в том виде, какой её представляли учёные XIX-го – начала XX-го века. Зачастую акцентировалась односоставность предложения (особенно необязательность подлежащего) на стадии, предшествующей возникновению «нормального» современного языкового строя с неизбежной двусоставностью.

Так, логик А.фон Тренделенбург писал в 1840-м году в книге *Логические исследования*, что безличные конструкции являются отголосками тех времён, когда люди могли выражать только действия без указания на деятеля [Schmidt 1987: 26-27]. Соответственно, существительные произошли относительно поздно из глаголов, примером чему служат немецкие существительные типа *Wolke* 'облако' = 'сверкающая', *Erde* 'земля' = 'несущая', *Hand* 'рука' = 'делающая, хватающая'. Примечательно также, что Тренделенбург, как и многие другие авторы того времени, считал самыми древними или же архаичными языки типа китайского, т.е. изолирующие, а развитие флексий представлялось ему следствием прогресса мышления.

К.В.Л.Гейзе утверждал в книге *Система языкознания* (Берлин, 1856), что предложения без подлежащих, включая имперсонал, представляют собой самое простое, самое несовершенное и, соответственно, самое древнее средство выражения мыслей [Schmidt 1987: 27]. Ф.Шляермахер в работе *Диалектика* (1839) причислял имперсонал к остаткам наиболее примитивных способов выражения, в которых не требуется называть ни субъекта, ни объекта действия. В отличие от многих других авторов своего времени, он считал безличные конструкции типа 'Дождит' односоставными, но явным отклонением от нормы – двусоставности [Schmidt 1987: 47].

Пожалуй, дальше всех пошёл в этом направлении С.Л.Макленнан, утверждавший в диссертации *The Impersonal Judgement: Its Nature, Origin, and Significance* (1897), что имперсонал является пережитками животного мышления: «...as far back as we can trace a distinctively human experience,

nominal and verbal stems are found. But these point on to an earlier and more primitive stage of root forms or impersonal thought. <...> Impersonal judgement, as it were, begun to appear just below the threshold of what we ordinarily term self-consciousness, and on the threshold itself. In short they seem to form the connecting link in thought between animal and human intelligence, as well as indicating the form of experience in which the differentiation as a whole is made» [цит. по: Schmidt 1987: 28].

Многие авторы видели в имперсонале реликты той языковой стадии, когда существительное и глагол разграничивались слабо. Например, французский исследователь Е. Egger писал в середине XIX века, что безличные глаголы – это, по сути, спрягаемые существительные [Schmidt 1987: 37]. В.В.Иванов отмечал, что многочисленность употреблявшихся безлично глаголов среди атематических корневых глаголов «можно было бы считать отражением древней синтаксической нормы той эпохи, когда корневое слово, позднее ставшее корневым глаголом, но первоначально совпадавшее с именем (ср. лат. *lux, ops*), могло само по себе образовывать отдельное предложение» [Иванов 1965: 69]. Возможность образования глаголов и существительных от одного и того же корня Иванов считает пережитком эпохи, предшествовавшей дифференциации этих частей речи. Немецкий филолог Г.Ф.Шеманн полагал, что безличные глаголы представляют собой и глаголы, и существительные одновременно; в них слились воедино и понятие о действии, и понятие о деятеле. Т.Зибс видел в безличных глаголах, описывающих природные явления, «вербальные субстантивы» по смыслу и форме. Именно формы 3 лица, по его мнению, являются наиболее древними по сравнению с первым и вторым.

Авторы, связывающие имперсонал с древним, примитивным типом мышления, нередко полагают, что в нём выразился не недостаток языковых средств, не слабая развитость первобытного языка, а особенности примитивного мировоззрения и склада ума: иррациональность, нежелание или неумение видеть в себе отдельную от коллектива личность (по крайней мере, активную), фатализм. Р.Трипп, например, считал безличные конструкции выражением слабой развитости личностного начала в носителях соответствующего языка, а также нелогичности их мышления [Schmidt 1987: 30-32]. Становление личности в современном понимании он связывает с Ренессансом. У.Шмидт, цитирующий данного автора, считает такие культурологические объяснения изжившими себя.¹ Статью Триппа он называет образцом сомнительных попыток связать синтаксис и

¹ Ср. «...die Ergebnisse der Spekulationen um die menschliche Psyche und ihre Manifestation in der Syntax sind, trotz dieser und trotz aller späteren Überlegungen, um nichts glaubhafter geworden. Eher im Gegenteil: dadurch, dass die Herleitung syntaktischer Veränderungen aus psychologischen Wandlungen im Volkscharakter heutzutage als suspekt angesehen wird, entfällt geradezu eine der Erklärungsmöglichkeiten» [Schmidt 1987: 32]. У.Шмидт ссылается также на статью «The demise of the Old English impersonal constructions» (О.С.М. Fischer, F. von der Leek; 1983), в которой мнение Триппа подвергается критике за культурологические спекуляции [Schmidt 1987: 318].

психологию [Schmidt 1987: 85]. Действительно, период Ренессанса не отмечен в истории как совпадающий с активным распадом имперсонала в индоевропейских языках соответствующих стран.

Широко известны тезисы А.Вежбицкой, распространившиеся в постсоветской лингвистике и подхваченные двумя-тремя западными учёными [Goddard 2002: 55]. Обилие дативных безличных конструкций типа *Не будет тебе никакого мороженого, Но знаю, миру нет прощения, Не видать тебе этих подарков* в русском языке она связывает с русской иррациональностью и пассивным отношением к жизни, нежеланием брать ответственность на себя. Русским противопоставляются активные и рациональные англичане и американцы. Данная точка зрения не выдерживает критики уже потому, что русскому имперсоналу противостоит английский пассив, выражающий те же значения и чрезвычайно употребительный. Известно, например, что англоязычные шизофреники особенно часто прибегают в своей речи к пассиву как раз потому, что они склонны снимать с себя ответственность за свои действия [Schmidt 1987: 170]. Также они склонны к употреблению неопределённо-личных предложений, сродных безличным, т.к. в обоих типах производитель действия выносится за рамки высказывания. Как мы уже отмечали выше, языки, в которых слабо развит имперсонал, изобилуют пассивными конструкциями. Например, в санскрите, который, в отличие от других древних индоевропейских языков, редко прибегал к безличным конструкциям, пассив развился чрезвычайно широко по сравнению с его предком – ведийским языком [Speyer 1896: 75] (как, впрочем, и по сравнению с другими синтетическими индоевропейскими языками: например, в среднестатистическом тексте на латыни актив употребляется в 90,2% случаев, пассив – в 9,8%, а в среднестатистическом тексте на санскрите актив употребляется в 73,1%, пассив – в 26,9% [Greenberg 1976: 46]²).

Кроме того, А.Вежбицкая не учитывает то обстоятельство, что в консервативных индоевропейских языках практически не употребляются модальные глаголы – типичное средство анализированных языков, – а потому вместо них для выражения тех же значений инструментализированы инфинитивы с неноминативными субъектами, в том числе дативными. В этом отношении русский язык ничем не отличается от других древних и консервативных индоевропейских языков. Более того, тот факт, что в английском при модальных глаголах используется номинатив (*I can't*), не свидетельствует об агентивности субъекта, т.к. сам номинатив технизирован и превращён в универсальный падеж субъекта с любой семантической макроролью. Так, в книге *Toward a Typology of European Languages* отме-

² Впрочем, У.Леман считает, что в санскрите формы, называемые пассивом, не принадлежат к категории залога: «...the position of the passive in early Sanskrit is totally different from that of the passive in later Indo-European languages, including Latin and Classical Greek. It is not a distinct voice form. The Sanskrit verb includes only two voices, active and middle. In this way it resembles the verb of the Homeric poems, in which the middle often maintains its Indo-European force while infrequently expressing passive meaning» [Lehmann 1993 a: 162].

чается, что в западноевропейских языках, в т.ч. в английском, особенно часто встречаются неагентивные субъекты по сравнению с другими языками мира [Dahl 1990: 7]. Автор видит корреляцию между этой характеристикой и исчезновением имперсонала.

Не выдерживают критики попытки сторонников А.Вежбицкой подкреплять свои тезисы о русской пассивности etc. цитатами из классической и современной художественной литературы. Если учитывать, сколь велики накопившиеся за последние столетия объёмы всевозможных беллетристических текстов, можно предположить, что практически любая точка зрения на более или менее важные вопросы, интересовавшие человечество, найдёт и пропонентов, и оппонентов среди более или менее уважаемых авторов. В частности, цитатами из классиков нетрудно было бы «аргументировать» особую склонность русских руководствоваться в своих действиях здравым смыслом («В русском характере столько положительности и трезвости взгляда...» – Ф.М.Достоевский, «Записки из мёртвого дома»), поставить под сомнение русскую лень и пассивность («Говорят, что мы, русские, как-то от природы ленивы и любим сторониться от дела, а навяжи его нам, так сделаем так, что и на дело не будет похоже. Полно, правда ли? И по каким опытам оправдывается это незавидное национальное свойство наше?» – Ф.М.Достоевский, «Петербургская летопись»), приписать американцам непрактичность («Мы, янки, воображаем, что мы дельцы. А вот появились у нас [в США] эти долматы и доказали, что они куда лучшие дельцы, чем мы» – Дж.Лондон, «Лунная долина») или чрезмерное пристрастие к спиртным напиткам, обычно приписываемое русским («Если вы хотите посмотреть на людей, которые испытывают истинное наслаждение от пьянства, поезжайте в Америку» – О.Хаксли, «Контрапункт»).

Можно было бы также обратить внимание на то, с каким скептицизмом русские классики отзывались о том якобы пассивном отношении к жизни, которое приписывали другим народам представителями западной цивилизации. В частности, вот что пишет К.М.Станюкович (1843-1903) в романе «Вокруг света на “Коршуне”», во многом автобиографическом: «По словам португальцев, портограндские негры народ ленивый: работают только в случае крайней нищеты; и если у негра есть несколько маиса или кукурузы – единственные произведения здешней почвы, то он работе предпочитает *far niente* [ничегонеделанье – итал.]. Но не очень-то доверял Ашанин этим отзывам португальцев-торгашей. Во время недельной стоянки в Порто-Гранде он каждый день бывал в городе и всегда видел негров в работе. Одни работали в угольных складах, доставляя к пристани тачки; многие грузили уголь на суда; другие выгружали угольные пароходы. Целые вереницы ходили от улиц к морю с кувшинами на головах, вынося нечистоты. У моря негрятянки целые дни стирали белье и немилосердно били его о камни под напев своих заунывных песен».

Можно было бы также найти в художественной литературе многочисленные цитаты, характеризующую ту «активную» трудовую мораль, которая привела западную цивилизацию к процветанию, в самом негативном свете. Например, В.В.Крестовский (1840-1895) даёт следующую оценку

тому образу жизни, который вели переселенцы-немцы в царской России и который являлся основой их экономического процветания: «наглая копечная скарденность, которая с видом полной законности запускает руку в дырявый карман нищего» (роман «Петербургские трущобы»). Немецкий классик XX-го века Э.М.Ремарк следующим образом высказывается о природе финансового преуспеяния своих соотечественников: «А за ним [обелиском] следуют сначала самые дешевые маленькие надгробия из песчаника или цемента, могильные камни для бедняков, которые честно и скромно жили и трудились и потому, разумеется, ничего не достигли. <...> Богатство и честность не соединимы, малыш! В наши дни – нет! Вероятно, и раньше – тоже никогда» (роман «Черный Обелиск»). В романе Виктора Гюго «Человек, который смеётся» английский рецепт благосостояния охарактеризован ёмкой фразой «рай богатых создан из ада бедных».

Один из первых русских классиков Д.И.Фонвизин писал П.И.Панину 18/29 сентября 1778 года о французах: «Смело скажу, что француз никогда сам себе не простит, если пропустит случай обмануть хотя в самой бездельце. Божество его – деньги. Из денег нет труда, которого б не поднял, и нет подлости, которой бы не сделал». Американский современный классик Курт Воннегут так описывает типичный путь «агентивного» американского бизнесмена к крупному состоянию: «[Бизнесмен] Ной и ему подобные раскусили, что на самом деле ресурсы страны [США] ограничены, но что любого корыстного чиновника, особенно из законодательных органов, можно было легко уговорить, чтобы он расшвыривал изрядные куски земли – лови, держи! – и швырял их именно так, чтобы они попадали в руки таких же ловкачей, как он. Так кучка жадюг во всей Америке стала распоряжаться всем, что того стоило. Так была создана в Америке дичайшая, глупейшая, абсолютно нелепая, ненужная и бездарная классовая система. Честных, трудолюбивых, мирных людей обзывали кровопийцами, стоило им только заикнуться, чтобы им платили за работу хотя бы прожиточный минимум. И они понимали, что похвал заслуживают только те, кто придумывает способы зарабатывать огромные деньги путем всяких преступных махинаций, не запрещенных никакими законами. Так мечта об американской Утопии перевернулась брюхом кверху, позеленела, всплыла на поверхность в мутной воде безграничных преступлений, раздулась от газов и с треском лопнула под полуденным солнцем. Нет большей насмешки, чем писать на ассигнациях этой лопнувшей Утопии “E pluribus unum” [“Из многих единое”], потому что каждый до нелепости богатый американец есть воплощение той роскоши, тех привилегий и удовольствий, которые недоступны большинству. В свете истории гораздо более поучительным был бы лозунг, созданный всеми [богатыми бизнесменами] Ноями Розуотерами, “Загребай, сколько влезет, не то получишь шиш!”» (роман «Дай Вам Бог здоровья, мистер Розуотер, или Не мечите бисера перед свиньями», 1965). Сравним со следующей цитатой из рассказа Теодора Драйзера «Мэр и его избиратели»: «Знакома ли вам жизнь Новой Англии – ее пуританская, непримиримая, узколобая и эгоистическая психология? <...> Не обладая ни большой тонкостью ума (врожденной или выработанной воспитанием), ни особой проницательностью, он [мэр] все же остро чувство-

вал, каким злом является столь резкое в нашем обществе и вовсе не вызванное необходимостью социальное неравенство и как важно направить все усилия на то, чтобы уменьшить пропасть между неорганизованной и невежественной нищетой и колоссальным богатством, находящимся в руках у людей, которые мало того, что сами не трудятся, но считают, что так и быть должно. Ибо к чему, в конечном счете, сводится практическая мудрость любого капиталиста, любого миллиардера: не к слепой ли и хищной алчности?»).

Нельзя не учитывать и устойчивости некоторых национальных стереотипов, далеко не всегда подкреплённых какими-либо социологическими или антропологическими данными, но укрепившихся в художественной литературе и в значительной мере подпитываемых ею.

Обращает на себя внимание склонность этнолингвистов выискивать цитаты о фатализме в русской художественной литературе и игнорировать проникнутые фатализмом произведения английской и американской художественной литературы, классической (например, «Моби Дик, или Белый кит» Германа Мелвилла, 1851; «Рок, покаравший Сарнат» Говарда Лавкрафта, 1920) или современной (например, «Крестовый поход детей, или Бойня номер пять» Курта Воннегута, 1973). Как и в русской классической литературе, американские классики склонны представлять человека игрушкой судьбы, рока: «Да, он развратил Эллен не только тем, что заставил ее перейти на свою сторону, хотя, подобно ей, понятия не имел, что его расцвет тоже был вынужденным искусственным цветением и что, пока он все еще разыгрывал перед публикой свою роль, за его спиной Рок, судьба, возмездие, ирония – словом, режиссер, как его ни называй, уже менял декорации и тащил на сцену фальшивый реквизит для следующей картины» (У.Фолкнер. «Авессалом, Авессалом!», 1936). Цитат, тематизирующих протестантскую веру в то, что «всё уже предрешено и расписано заранее» («Моби Дик»), что каждому ещё до рождения уготован судьбой или богом путь (богатого) победителя или (бедного) побеждённого – «на свете существует два рода людей: львы и ягнята» (Р.Стивенсон. «Похититель трупов», 1884), что «предопределенное бремя жизни возлагается на плечи человека навеки и попытка сбросить его неизменно кончается одним: оно вновь ложится на них, сделавшись еще более неумолимым и тягостным» (Р.Стивенсон. «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», 1886), что «то, что падает, должно было упасть, то, что преуспевает, должно было преуспеть» (В.Гюго. «Человек, который смеется», 1869, автор описывал в данном случае верования англичан), чрезвычайно много, потому перечисление «фаталистических» цитат из русской литературы и игнорирование похожих цитат из английской и американской нельзя назвать убедительным доказательством русского пассивного отношения к жизни, русской покорности судьбе и т.п.

Нельзя не отметить и стремления этнолингвистов сделать акцент на русских художественных произведениях, пропитанных фатализмом, и при этом проигнорировать антифаталистические, которых достаточно и в эпосе (былина «Три поездки Ильи Муромца»), и в классике (М.П.Арцыбашев, роман «Санин» – антифатализм и «активизм» самого либерально-западно-

го направления), и особенно в литературе советского периода (В.М.Кожевников, роман «В полдень на солнечной стороне»).

Сомнение вызывают и попытки объяснить слабую развитость имперсонала в английском протестантском мировоззрением, якобы включающем в себя активное отношение к жизни. В частности, в Исландии, занимающей второе место в мире по числу протестантов (91% населения), безличные конструкции употребляются чрезвычайно активно, т.к. исландский язык благодаря своей изолированности сохранил в значительной мере черты протоязыка. Протестантское мировоззрение не стало, очевидно, помехой имперсоналу, а имперсонал никак не повлиял на протестантское мировоззрение. Сомнительна и сама связь между «активизмом» и протестантизмом, если учитывать, что среди стран-рекордсменов по числу протестантов находятся преимущественно отсталые и малоразвитые страны: полинезийские государства Тувалу (98% населения – 1-е место в мире) и Королевство Тонга (73%), карибское государство Антигуа и Барбуда (86%), Намибия (68%) и ЮАР (68%) [The World Factbook 2009; International Religious Freedom Report 2004]. В то же время в некоторых развитых странах Запада число протестантов относительно невелико: Бельгия – 1%, Австрия – 5%, Франция – 2%, Греция – 0,3%, Ирландия – 4%. Если от общего числа жителей Океании протестанты составляют 44%, а от общего числа африканцев – 18%, то от общего числа европейцев – 16%. Соединённые Штаты Америки, столь часто описываемые в качестве наиболее прототипического протестантского общества, занимают по числу протестантов от общего числа жителей 20-е место в мире, уступая Папуа-Новой Гвинее, Барбадосу, Науру и другим отсталым странам (составляющим более половины этого списка). Соответственно, наиболее приемлемой нам представляется точка зрения, согласно которой не существует никакой корреляции между уровнем цивилизационного развития (или же активного отношения к жизни, якобы способствующего этому развитию) и распространённости/популярности протестантского мировоззрения в той или иной стране. Не может быть такой связи и с количеством безличных конструкций, поскольку они широко используются и в странах-рекордсменах по числу протестантов (Исландия), и в странах, в которых протестантов относительно немного (Россия).

Примечательно полное отсутствие социологических данных в работах этнолингвистов, объясняющих распространённость в русском языке имперсонала такими якобы типичными для русских качествами, как пассивное отношение к жизни, фатализм и вера в судьбу. Поскольку соответствующая статистика существует, следует сопоставить «пассивных» русских и «активных» американцев по склонности надеяться на судьбу в плане самообогащения. Статистика демонстрирует, что американцы более склонны играть в различные азартные игры, с помощью которых они надеются быстро и легко обогатиться. В частности, в 2003 г. 49% американцев заявили, что покупали за последний год лотерейный билет/билеты; 30% посетили казино, 14% играли на игровых автоматах, 4% делали ставки на скачках [Gallup, Newport 2004: 122]. Для сравнения: по данным ВЦИОМ, 2009 г., в России казино посещает 1% опрошенных, на игорных

автоматах играют 2%, на скачках делает ставки 0%, в лотерею после закрытия всех казино летом 2009 года собирались играть 8% [«Закрытие казино: перестанут ли играть азартные россияне?» 2009]. Если средний россиянин тратит на лотерейные билеты 2 доллара в год (в пересчёте), то средний житель США – 450 долларов, европеец – 170 долларов, а житель Южной Америки – 40 долларов. В известных нам российских опросах среди наиболее популярных способов разбогатеть ответ «выиграть в лотерею» не набрал и одного процента сторонников (напр., [Бедные и богатые: рефлексия 2005]). В США надеющихся разбогатеть, играя в лотерею, в 1999 году насчитывалось, по данным The Consumer Federation of America, 28% [Bet on your future 1999: 3В]. Если в США в 2003 г. 66% опрошенных заявили, что за последние 12 месяцев играли в азартные игры [Gallup, Newport 2004: 123], то в России, по данным фонда «Общественное мнение», в 2005 г. 63% утверждали, что вообще никогда не играли в азартные игры [Бавин 2005]. Соответственно, стереотипы о русских, надеющихся на авось, и американцах, добивающихся успеха тяжёлым и упорным трудом, не соответствуют действительности. Это, в свою очередь, ещё раз ставит под сомнение связь протестантизма с активным отношением к жизни, якобы способствовавшим исчезновению имперсонала.

Безосновательны и попытки этнолингвистов связать развитость безличных конструкций с другим проявлением «примитивного» мышления – иррационализмом, верой в потустороннее и сверхъестественное. Как мы продемонстрировали в другой работе [Зарецкий 2008: 250], из данных социологических опросов можно сделать противоположный вывод – именно американцы по вере в иррациональное и сверхъестественное (чудеса, ад, ангелов, дьявола, астрологию, реинкарнацию, НЛЮ, привидения, телепатию и т.д.) значительно опережают русских. Более поздние опросы подтверждают те же тенденции (для сравнения мы приводим также данные по верованиям румын и англичан):

Табл. 16. Верования американцев, румын, русских и англичан в сравнении (%)				
	американцы	румыны	русские	англичане
бог	80	83	60	56
чудеса	75	68	44	–
ведьмы	31	29	38	13
астрология	31 ³	47	10 (гороскопы)	9 (гороскопы)
реинкарнация	24	28	4	23

³ Один из комментаторов отмечает, что этот результат расходится с данными по значительно более репрезентативной группе, опрошенной National Opinion Research Center question: согласно этим данным, 57% американцев читают гороскопы или индивидуальные предсказания астрологов [Bowman 2009]. Имеется также опрос Гэллапа 1991 года, согласно которому 91% американцев признаются, что более или менее часто читают гороскопы [Mowen, Carlson 2003]. Заметим, что вера в гороскопы, т.е. возможность читать будущее по звёздам, очень близка к вере в судьбу, поскольку астрология исходит из того, что будущее предначертано.

Все опросы были проведены после 2000 года. Данные по США взяты из наиболее актуального опроса Harris Interactive Inc. [More Americans Believe in the Devil, Hell and Angels than in Darwin's Theory of Evolution 2009], данные по румынам – из опроса Bureau of Social Research [Politics and Religion Poll 2009], данные по русским – из опросов ВЦИОМ за 2004 и 2008 гг. [Жизнь под знаком Зодиака: В кого и во что верят россияне? 2009; Зарецкий 2008: 250], данные по англичанам – из опроса Ipsos MORI [Survey on Beliefs 2007].

Ниже будут приведены некоторые статистические данные, демонстрирующие степень религиозной мистифицированности американцев. По данным опросов 1999 года (The Newsweek poll), 47% американцев верили, что антихрист уже явился, 45% полагали, что узрят Христа ещё при земной жизни, 66% считали эпидемии таких болезней, как эбола и СПИД, признаком последних времён [“Omega Code” stokes fears of end times 1999]. Уже в 2009 году в непорочное зачатие верили 61% американцев, в ангелов – 71%, в ад – 62%, в дьявола – 59% [More Americans Believe in the Devil, Hell and Angels than in Darwin's Theory of Evolution 2009]. Примечательно, что протестанты отличаются большей мифологизированностью сознания по сравнению со среднестатистическими американскими гражданами. В частности, в непорочное зачатие верят 81% протестантов, в ангелов – 87%, в ад – 79%, в дьявола – 77%, что превышает приведённые выше средние показатели.

Соответственно, едва ли имеет смысл предполагать наличие какой-либо связи между имперсоналом и иррационализмом: как мы продемонстрировали в данной работе и в монографии [Зарецкий 2008], американцы, использующие чрезвычайно мало безличных конструкций, и поляки, довольно широко применяющие имперсонал, отличаются особо иррациональным мировоззрением, т.е. верят в потустороннее и сверхъестественное чаще других народов Европы и Северной Америки, в то время как русские, чрезвычайно широко использующие имперсонал, и немцы, в языке которых безличные конструкции в значительной степени вымерли, по вере в иррациональное и потустороннее относительно близки друг другу вопреки столь существенной разнице в грамматической организации языков.

Примечательно, что имперсонал распространяется в русском и в последние годы, хотя вера в судьбу, если верить опросам ВЦИОМ, теряет популярность: 2004 – 40%, 2008 – 28% [Жизнь под знаком Зодиака: В кого и во что верят россияне? 2009] (по данным другого опроса, проведённого Институтом социологии Российской академии наук в 2009 г., в судьбу верит каждый третий россиянин [Дектерёв 2009: 5]). Если это не случайные флуктуации, зависящие только от качества проведения опроса, то взаимосвязь между верой в судьбу, т.е. ещё одним проявлением «примитивного» мышления, и имперсоналом следует признать иллюзорной.

Добавим, что приписываемая русской культуре особая вера в судьбу также требует статистического обоснования. Так, в 2003 г. в Германии TNS Emnid Medien- und Sozialforschung GmbH был проведён опрос, в котором было установлено, что половина немцев верит в предопределение [Klein 2004]. По данным более позднего опроса, проведённого TNS Infra-

test по заказу журнала *Spiegel*, 52% опрошенных немцев склоняется к точке зрения, что «некая высшая сила влияет на нашу жизнь», причём 32% из них назвали эту силу судьбой, 10% сочли более вероятным предположение, что она действует через случай, а 52% назвали её богом [Schreiber 2007: 102-108]. Среди молодёжи 12-25 лет в судьбу или предопределение верили в 2006 г., согласно опросу TNS Infratest (Shell Jugendstudie), 46% [Glauben Sie, dass Schicksal und Vorbestimmung Einfluss auf Ihr Leben haben? 2008]. В Италии, по данным опроса 1998 года, в предопределение верили 33% населения (опубликован в газете *Avvenire* от 03.04.1998); в Англии, по данным опроса Ipsos MORI, в судьбу верят 62% [Survey on Beliefs 2007]. Таким образом, нельзя сказать, что именно в России вера в судьбу распространена особенно широко. Напротив, скорее выделяется своим «фатализмом» Англия. Ещё более «фаталистичны» украинцы, хотя их язык так же обилен имперсоналом, как русский: согласно опросу Исследовательского центра SuperJob (2008), 67% экономически активных жителей Украины (опрос проводился только среди них) в большей или меньшей мере верят в судьбу [Мужчины склонны верить в себя, а женщины – в судьбу 2008].

Вкратце отметим, что попытки этнолингвистов аргументировать высокую частотность определённых конструкций в русском языке влиянием культурем типа фатализма привели к появлению обширной литературы, описывающей выражение предполагаемых черт русского национального характера и на других языковых уровнях. В частности, русский фатализм нередко доказывается высокой частотностью слов типа *судьба*, *доля*, *авось* в художественной литературе. Хотя подобные аргументы нельзя отвергать полностью, обратим всё-таки внимание на тот факт, что наличие и частотность лексических единиц являются результатом действия необозримого числа самых разнообразных факторов, совершенно далёких от (предполагаемой) сферы воздействия (предполагаемых) культурем. Более подробно этот вопрос рассмотрен, например, в статье «Ob sich alles Bemerkenswerte in der Sprache niederschlägt? (Am Beispiel russisch-deutscher lexikalischer Vergleiche)» А.Павловой [Pavlova 2009]. Как мы уже отмечали в монографии [Зарецкий 2008], частотность и наличие или отсутствие лексических единиц являются столь зыбким фундаментом для каких-либо выводов о влиянии культуры на язык, что предпочтительнее было бы от них вовсе отказаться.

Во французской лингвистике достаточно широко распространено мнение, согласно которому вместо термина «безличные глаголы» следовало бы употреблять термин «одноличные», поскольку глаголы типа ‘дождить’ употребляются не вне парадигмы лица, а исключительно в третьем лице [Schmidt 1987: 76]. Так, A.Sauvageot в статье «Subject, predicate. Some relations between grammar and logic» (1975) приводит аргументы в пользу того, что большинство безличных глаголов на самом деле одноличны, хотя есть и истинные безличные, особенно в русском, финском, древнесеверном. Истинно безличные глаголы, по его мнению, следует считать либо признаком примитивности мышления соответствующего народа, либо архаизмом, оставшимся со времён, когда мышление данного народа было относительно примитивным [Schmidt 1987: 77]. На наш взгляд, безличные

глаголы можно назвать одноличными только в том смысле, что их универсальная форма 3 л. ед. ч. ср. р. исключает активное действующее лицо и подразумевает либо неволеитивность (*Мне не хочется*), либо отсутствие субъекта (*Дождит*).

Таким образом, теории, объясняющие генезис имперсонала либо особенностями древнего мышления типа иррациональности и пассивности, либо особенностями древней речи (обусловленными «примитивностью» древнего мышления), представляются нам необоснованными. Во-первых, нет никаких оснований искать истоки современных безличных конструкций десятки или даже сотни тысяч лет назад, когда зародилась в каких-то примитивных формах, возможно глагольных или субстантивно-глагольных, человеческая речь. Появились ли первыми глаголы без указания на деятеля или некие общие части речи, не разделявшие деятеля и действие, иррелевантно, поскольку едва ли реликты данной языковой стадии могли сохраняться так долго. Даже процесс пиджинизации, длящийся всего одно-два десятилетия, преобразует язык на грамматическом уровне почти до неузнаваемости, а следующая за пиджинизацией креолизация реорганизует его на совершенно иных принципах (заметим, что безличные и бесподлежащие конструкции в креольских языках обычно отсутствуют). Поскольку оба процесса встречаются часто, можно представить себе, сколь многократно полностью разрушались и перестраивались грамматики древних языков, особенно в бесписьменный период. Во-вторых, исследования, доказывающие примитивность (иррациональность, мифологизированность) грамматики того или иного народа, столь часто подвергались критике за незнание и, очевидно, нежелание, видеть в языках, структурно отличных от современных западных, иные принципы организации, что, по сути, на сегодня можно с уверенностью назвать результаты подобных этнолингвистических изысканий научно неverifiedируемыми. Тот факт, что в некоторых странах в силу политической конъюнктуры этнолингвистические изыскания приобретали некоторую популярность, не придаёт им большего научного веса. В-третьих, использование имён богов в качестве субъектов в метеорологических безличных конструкциях ничего не говорит о более ранних языковых стадиях и не объясняет универсальной формы имперсонала 3 л. ед. ч. ср. р. Если в случае глаголов типа *Дождит* можно додумать какого-то производителя действия, то в случае *Было жарко*, *Надо идти*, *Не хочется* никакого производителя действия в номинативе не может быть даже теоретически. Более того, даже в случае *verba meteorologica* использование имени какого-то божества или существительных типа *дождь*, *небосвод* в качестве подлежащего возможно только в настоящем и будущем времени, но не в прошедшем (*Дождило*), где средний род выражен однозначно.

О форме 3 л. ед. ч. ср. р., выраженной либо окончанием, либо отдельным формальным местоимением, здесь будет сказано более подробно. Индоевропейские формальные субъекты и соответствующие им окончания 3 л. ед. ч. ср. р. в современной лингвистике обычно считают семантически пустыми [Schmidt 1987: 92], а безличные глаголы – изначально бесподлежащими. Например, Г.-Ю.Герингер писал в 1967 году, что безлич-

ные глаголы имеют нулевую валентность даже тогда, когда присутствует формальный субъект *es* [Schmidt 1987: 79]. Г.Штайнталь ещё в 1860 году назвал *es* словом без значения, не заменяющим ничего другого (т.е. не скрывающим имена богов и мистических сил) [Schmidt 1987: 93]. Единственная функция формального субъекта, по его мнению, – дать возможность глаголу согласоваться с чем-то в форме 3 л. ед. ч. Штайнталь считал возможным причислить *es* к суффиксам (У.Шмидт, приводящий мнение Штайнталья, добавляет, что *es* можно отнести к одной неделимой морфеме безличных глаголов, т.е. *es* – обязательный формант глаголов типа ‘дождить’). К.Квилес, автор *A Grammar of Modern Indo-European*, отмечает, что в индоевропейском праязыке метеорологические конструкции типа ‘дождить’, ‘снежить’ изначально употреблялись без подлежащих. Формальное подлежащее появилось только после становления жёсткого порядка слов SVO [Quiles 2007: 220]. Ф.Хавас уже в 2008 году высказывает предположение, что глаголы типа рус. *дождит* и лат. *pluit* не имеют скрытых субъектов, они не эллиптичны [Navas 2008: 28].

А.фон Зеефранц-Монтаг, отвергая мифологические толкования имперсонала, считает значительно более вероятным другое объяснение, согласно которому форма 3 л. ед. ч. ср. р. маркирует неволитивность, неконтролируемость действия субъектом, отчасти нежелательность описываемых действий и состояний, их спонтанность, незапланированность [Seefranz-Montag 1983: 70-72]. Именно поэтому субъект либо отсутствует полностью, либо стоит в падеже, исключающем агентивность (т.е. не в номинативе). Автор подчёркивает, что на более ранних стадиях развития индоевропейских языков в номинатив действительно вкладывалось понятие агентивности, но теперь, после грамматикализации и десемантизации синтаксиса (как следствие анализации), данная характеристика праязыка в значительной мере утеряна. Номинатив приобрёл функцию универсального падежа подлежащего, аккузатив – дополнения. Члены предложения потеряли свой факультативно-наречный статус из-за закрепления порядка слов и грамматических ролей. Если раньше глагол не требовал ни обязательного подлежащего, ни обязательного дополнения, то теперь в языках, особенно далеко отошедших от первоначального строя (а это языки анализированные), жёсткий порядок слов «субъект > глагол > объект» стал обязательным. Опускание субъекта или объекта, а также использование их альтернативных маркировок (например, субъектов в аккузативе) допускаются всё реже. Из-за этого, по мнению А.фон Зеефранц-Монтаг, безличные конструкции в современных индоевропейских языках постепенно вымирают.

С другой стороны, в языках, сохранивших синтетический строй и/или отошедших от номинативного строя, такой технизации падежей не наблюдается, т.е. номинатив продолжает обозначать производителя действия, а другие семантические роли требуют альтернативных маркировок (примечательно, что наличие системы окончаний облегчает такие маркировки). В частности, в бенгальском, который раньше принадлежал к эргативным языкам, и сейчас возможны противопоставления личных и безличных конструкций по степени волитивности: волитивные субъекты стоят в номинативе, а неволитивные – в генитиве (датель в бенгальском отсутствует).

Следующие два предложения можно перевести как 'Ты мне нужен' и 'Я в тебе нуждаюсь': *Aamar (GEN.) tomaake (OBJ.) caai* vs. *Aami (NOM.) tomaake (OBJ.) caai* [Seeffranz-Montag 1983: 72-73]. Первый вариант менее волитивен, второй – более. А.фон Зеефранц-Монтаг сравнивает такие пары с примерами из эргативного грузинского языка: *Msurs* 'Мне хочется' vs. *Visureb* 'Я желаю'; ср. тж. бацб. *So (ABS.) wože* 'Я упал (не по своей вине)' vs. *As (ERG.) wože* 'Я упал (по своей вине)' (хотя Зеефранц-Монтаг называет падеж волитивного действия эргативом, в грамматике бацбийского Ю.Д.Дешериева, на которую мы ссылались выше, этот же падеж именуется активным). Данные примеры можно сопоставить с русскими *Мне не работалось* – *Я не работал*. В обоих случаях первый пример (в абсолютном падеже в бацбийском и в дательном в русском) подчёркивает альтернативными падежными маркировками неволитивность действия. Языки, в которых возможности альтернативной маркировки субъектов и объектов утрачены вследствие аналитизации, не могут, по мнению А.фон Зеефранц-Монтаг, обозначать формально степень волитивности субъекта. В англ. *I fell* 'Я упал' нельзя вне контекста определить, упал ли говорящий по своей воле или случайно, по воле другого человека, из-за болезни (т.е. неволитивно) и т.д. Фон Зеефранц-Монтаг подчёркивает, что в активных и эргативных языках столь типичная и для архаичных индоевропейских языков семантическая синтаксиса, в т.ч. чувствительность к степеням агентивности, выражена более ярко, чем в номинативных, из-за чего имеет смысл искать причину возникновения имперсонала в деноминативном строе индоевропейского праязыка.

Исчезновение имперсонала в индоевропейских языках коррелирует, согласно её исследованию, с введением формальных субъектов (из-за становящегося всё более жёстким порядка слов и всё более чёткого разграничения грамматических функций между субъектом и объектом), превращением экспериенцеров в косвенных падежах в номинативные (по той же причине; примечательно, что от оформления номинативом субъекты не перестают быть экспериенцерами) и возникновением пассива (пассив выполняет те же функции, что и имперсонал: снимает акцент с субъекта, акцентирует объект или само действие, передаёт пассивность и неволитивность субъекта).

Нам представляется наиболее вероятным объяснение природы индоевропейского имперсонала именно в том направлении, какое можно найти у А.фон Зеефранц-Монтаг, т.е. деноминативным строем индоевропейского или доиндоевропейского праязыка. На наш взгляд, форма 3 л. ед. ч. ср. р., используемая в имперсонале, продолжает выражать неволитивность в случае присутствия субъекта или отсутствие деятеля в случае отсутствия субъекта (в данном случае подразумевается не грамматический субъект, а истинный, т.е. денотат языковой формы). В номинативизированных языках формальное разграничение субъектов на волитивные и неволитивные теряется, все субъекты оформляются одинаково (номинативом). В языках, сохранивших богатую систему флексий, можно по сей день найти некоторые реликты активного строя в том виде, в каком они были законсервированы при переходе индоевропейского праязыка от синтеза к анализу (си-

стему не первоначальную, т.к. ей предшествовал переход от анализа к синтезу, также в рамках активного строя). Разумеется, некоторые реликты были утеряны или видоизменены при дальнейшей эволюции отдельных языков, что мы продемонстрировали выше на примере окончаний статива, вошедших в парадигмы и перфекта, и безличного пассива, и среднего залога. Имперсонал, однако, по-прежнему остаётся достаточно прозрачным в своей семантической мотивации и грамматической структуре.

Таким образом, именно безличные конструкции являются важнейшим реликтом активного строя в современных индоевропейских языках. В частности, Й.Барддал пишет: «Evaluating the pros and the cons for the hypothesis that Proto-Indo-European was a stative-active language, it is clear that the oblique subject construction is a major argument for assuming a split- or fluid-S system in Proto-Indo-European» [Barðdal, Eythórsson: 2009]. Основываясь на том, что имперсонал в индоевропейских языках повсеместно выходит из употребления, причём с древнейших времён, она приходит к выводу, что он не может быть новшеством, развившимся уже после распада праязыка. Так, по её подсчётам, на 20.000 слов четырёх жанров древнеисландского приходится 72 неноминативных субъекта, а на такое же количество слов современного исландского – 48. Кроме того, Барддал называет некоторые другие фреквенталии активных языков: отсутствие пассива, отсутствие глагола ‘иметь’ и женского рода, разграничение между отчуждаемой и неотчуждаемой собственностью, неразвитость флексий, лексические дублиеты для активных и стативных значений. Она не приводит каких-либо свидетельств наличия данных характеристик в индоевропейском праязыке, ссылаясь на их необязательность. Выше мы продемонстрировали, однако, что все эти фреквенталии можно найти в индоевропейском и его древнейших потомках.

Ниже будут рассмотрены примеры стативных конструкций, в т.ч. неволитивных, из нескольких активных языков (напомним, что стативные глаголы активных языков включают в себя и глаголы неволитивного действия: «Verbs of the active class indicate action, often with voluntative force, such as *lead, put, throw*, while verbs of the inactive (stative) class denote states or involuntary actions, such as *know, shine, think*» [Lehmann 1993 a: 213]). Мы ставим себе целью продемонстрировать, что при активном строе субъекты зачастую оформляются подобно объектам, а потому сопоставимы с дативными и аккузативными субъектами в конструкциях типа *Меня тошнит, Мне хочется*.

Рассмотрим следующие примеры из языка дакота. Из трёх спряжений, присутствующих, согласно С.Риггсу [Riggs 1893: 21], в этом языке, первые два употребляются с активными глаголами, а третье – со стативными, включающими и «адъективные глаголы» типа ‘быть хорошим’, ‘быть высоким’. С первым спряжением используются инкорпорированные субъектные местоимения *wa* или *we* (1 л. ед. ч.) и *ya* или *ye* (2 л. ед. ч.), второе охватывает глаголы, начинающиеся на *ui, ya* и *yo*, которые образуют субъектные формы первого лица, превращая *u* в *md*, а формы второго лица – превращая *u* в *d*. С третьим спряжением употребляются инкорпорированные объектные местоимения *ta* (1 л. ед. ч.) и *ni* (2 л. ед. ч.). Формы

третьего лица вообще не выражаются, как это было раньше и в стативном спряжении доиндоевропейского языка (см. выше). С.Риггс объясняет это тем, что третье лицо наиболее частотно [Riggs 1893: 59]. Формы инкорпорированных местоимений отличаются от форм самостоятельных местоимений. Мы приводим здесь образцы склонений неопределённого времени (аориста):

Табл. 17. Спряжения индейского языка дакота (аорист) [Riggs 1893: 26]		
1-е спряжение на примере глагола <i>kaška</i> 'вязать, связывать'		
Ед. ч.	Двойст. ч.	Мн. ч.
wakáška 'я связываю'	uŋkáška 'мы оба связываем'	uŋkáškapi 'мы связываем'
yakáška 'ты связываешь'	—	yakáškapi 'вы связываете'
kaška 'он связывает'	—	káškapi 'они связывают'
2-е спряжение на примере глагола <i>yuštāŋ</i> 'оканчивать, завершать'		
mduštāŋ 'я завершаю'	úŋštāŋ 'мы оба завершаем'	úŋštāŋpi 'мы завершаем'
duštāŋ 'ты завершаешь'	—	duštāŋpi 'вы завершаете'
yuštāŋ 'он завершает'	—	yuštāŋpi 'они завершают'
3-е спряжение на примере глагола <i>asni</i> 'поправляться (от болезни), чувствовать себя хорошо'		
amásni 'я поправляюсь'	uŋkásni 'мы оба поправляемся'	uŋkásniŋpi 'мы поправляемся'
anísni 'ты поправляешься'	—	anísniŋpi 'вы поправляетесь'
asni 'он поправляется'	—	asniŋpi 'они поправляются'

Те же префиксы, которыми обозначаются субъекты стативных глаголов, маркируют и объекты при активных глаголах: *Ma-ya-'kte* 'Меня-ты убиваешь'. Порядок слов OSV характерен для инкорпорированных местоимений, в остальном же дакота – типичный SOV-язык, как почти все активные языки: *Wicásta waŋ wowapi waŋ kağa* 'Человек книгу сделал', *Dawid Sopiya waštedaka* 'Давид Софию любит', *Miye mini waćiŋ* 'Мне воды хочется' [Riggs 1893: 43, 58].

Рассмотрим для сравнения примеры из ещё одного индейского языка – тутело из той же семьи сиу. Инкорпорированные субъектные местоимения похожи на местоимения дакоты: 1 лицо ед.ч.: *ma, wa* (ср. *wa, we* в дакоте), 2 лицо ед.ч.: *ya, ye* (ср. *ya, ye* в дакоте) [Hale 1883: 22]. Похожи и объектные местоимения: 1 лицо ед. ч.: *mi, wi* (ср. *ma, mi* в дакоте), 2 лицо ед. ч.: *yi, hi* (ср. *ni* в дакоте). Как и в дакоте, объектные формы местоимений служат не только для того, чтобы оформлять дополнение при глаголе действия, но и для оформления субъекта при стативных глаголах. Например, в предложении *Minēwa* 'Я вижу его' местоимение 'я' (*mi*) стоит в объектной форме, подразумевающей пассивность субъекта (чтобы видеть, активного усилия обычно не требуется). Вкратце приведём систему спряжений языка тутело: а) активное: *Walakpése* 'Я пью', *Yalakpése* 'Ты пьёшь', *Lakpése* 'Он пьёт' (формант 3 л. отсутствует), б) стативное: *Witēwa* 'Я умер/ умираю', *Yitēwa* 'Ты умираешь', *Tēwa* 'Он умирает' (формант 3 л. отсутствует) [Hale 1883: 26]. Отличие тутело от дакоты состоит в том, что местоимения в тутело можно присоединять к глаголам не только в виде префиксов, но и в виде инфиксов между слогами: *Hawahéwa* 'Я говорю', *Hayihéwa* 'Ты го-

воришь'. Основные принципы, однако, те же: пассивность субъекта передаётся объектной формой, активность – субъектной.

Ещё несколько примеров мы взяли из индейского языка хайда [Mithun 1999: 214-217]. В этом языке присутствуют два класса личных местоимений, из которых первый несёт роль агенса (вне зависимости от переходности глагола), второй – пациенса. В следующих двух примерах присутствует местоимение-агенс *la*: *Ēkin ĵa giyu la qayd-an* (woods DIST toward-FOREGROUND 1SG.AGENT go-PAST) 'Я пошёл в лес', *La la qin-giglan* (3PATIENT 1SG.AGENT see-PAST) 'Я его увидел', дословно 'Его я увидел'. Пассивные (пациентивные) местоимения выражают пассивное состояние объекта действия (в выражениях типа 'Он ударил меня') или субъекта (в выражениях типа 'Меня морозило'): *Halwnu di xwi-glan* (there 1SG.PATIENT cold-PAST) 'Мне (*di*) там было холодно' или 'Меня там морозило', *Di la squdaglan* (1SG.PATIENT 3AGENT hit-PAST) 'Он ударил меня (*di*)', дословно 'Меня он ударил'. Примеры глаголов, требующих агентивных субъектов: 'покупать', 'грести', 'работать', 'служить', 'ловить', 'трясти', 'царапать', 'купать', 'покидать', 'принести (воду)', 'гулять', 'копать', 'подметать', 'пропалывать (огород)', 'избивать', 'метать', 'петь', 'жарить (на палке)', 'рисовать', 'входить', 'чистить (рыбу)', 'нести (на груди или в контейнере)', 'есть', 'писать', 'резать', 'пить', 'гладить (утюгом)', 'брать взаймы', 'предсказывать (погоду)', 'посещать', 'вялить', 'мешать (ложкой)', 'запирать (дверь)', 'приезжать', 'стирать (бельё)', 'вскармливать (грудью)', 'шить', 'колотить', 'нести (на спине)', 'обдирать (кору)', 'флиртовать'. Глаголы, требующие пациентивных субъектов, имеют значения 'болеть', 'лежать', 'сомневаться', 'грустить', 'быть глухим', 'быть слабым', 'быть храбрым', 'иметь артрит', 'быть истощённым', 'быть сонным', 'не хотеть выходить из дома в плохую погоду', 'иметь головокружение', 'быть голодным', 'иметь сильную боль', 'иметь головную боль', 'иметь холодные ноги', 'иметь холодные руки', 'быть худым', 'быть больным', 'принадлежать к привилегированному классу', 'быть большим', 'быть хорошим'. Например, поскольку любовь и симпатия не ассоциируются с волитивностью, субъекты при соответствующих глаголах оформляются пациентивно: *Dáng dii kuyáadaang* (2SG.PATIENT 1.SG.PATIENT love) 'Я тебя люблю' или 'Ты мне люб(а)'; *Dáng dii guláagang* (2SG.PATIENT 1SG.PATIENT like) 'Ты мне нравишься'. При желании подчеркнуть, что человек сам является причиной какого-то состояния, со стативными глаголами можно сочетать активные местоимения. И наоборот, при желании подчеркнуть, что какое-то действие совершается без воли субъекта, используется пациентивная форма.

Язык коасати мускогейской семьи принадлежит к типу Fluid-S [Kimball 1991: 249]. К стативным в данном языке относятся глаголы, обозначающие действия и состояния, не контролируемые субъектом. Большинство стативных глаголов можно назвать непереходными, если использовать терминологию номинативных языков, но некоторые соответствуют переходным – это глаголы, обозначающие эмоциональные состояния. Автор приводит следующие примеры стативных глаголов: *Am-kan* (1SSTATS-be:good/well) дословно 'У меня кратковременное приятное

ощущение' = 'У меня оргазм' (субъект *am* стоит в дативе), *Sa-hó:p* (1SSTATS-be:sick/hurt) 'Я болен', *Am-hó:p* (1SSTATS-be:sick/hurt) 'Я ранен, болен' (субъект *am* стоит в дативе), *Ci-ca,V?V,hno* (1SSTATS-be:cold(ANIMATE),Q) 'Тебе холодно?', *Ci-ca-bàn* (2SSTATOBJ-1SSTATS-need) 'Ты мне нужен' (модальные значения в активных языках обычно передаются пациентивно, т.е. с неволитивными формами субъекта), *Ci-ca-yu'ho-:s* (2SSTATOBJ-1SSTATS-treasure-IPAST) 'Мне не хочется тебя отпускать', *Ci-ca-lhós-ko-laho má:mi-Vhco-V* (2SSTATOBJ-1SSTATS-forget-IRREALIS-DUBIT-HABIT-PHR-TERM) 'Мне тебя никогда не забыть', *In-ca-hó:pa-V:mo* (3STATOBJ-1SSTATS-loathe-adv) 'Он мне просто ненавистен', *Ca-cákli-h bàнна-Vhco-k ómmi-n in-ca-malátli-Vhco-V* (1SOBJ-chop-CONN want-HABIT-SS be-SW 3STATOBJ-1STATS-fear(SG)-HABIT-PHR:TERM) 'Обычно они [совы] пытаются клонуть меня, потому я их боюсь', *Am-ci-pala,V?V,tka* (1SSTATOBJ-2SSTATS-be:cross:with,Q) 'Ты на меня сердисься?', *Im-ko-nokyó:ka-:s* (3STATOBJ-1PLSTATS-be:shy:of:IPAST) 'Мы их стесняемся', *Am-má:ma-ha im-ca-lákca-:s* (1SPOSS-mother-PL 3STATOBJ-1STATS-be:homesick:for-IPAST) 'Я скучаю по своим родителям', *Cim-ca-ofáhu* (2SSTATOBJ-1STATS-be:ashamed:of) 'Мне стыдно за тебя', *St-im-ca-ayókp* (INSTR-3STATOBJ-1SSTATS-be:happy) 'Я люблю его/ её', *St-im-ca-ficcákk-a:ho:s* (INSTR-3STATOBJ-1SSTATS-be:jealous-ADV) 'Я его/ её очень ревную', *St-im-ci-hawa,V?V,lo* (INSTR-3STATOBJ-2SSTATS-have:pity:on,Q) 'Ты ему/ ей сочувствуешь?' [Kimball 1991: 254, 256-259]. Почти любой глагол, описывающий действие, может употребляться с пациентивным подлежащим, если субъект это действие не контролирует [Kimball 1991: 261]. К активным глаголам относятся *hó:cin* 'то-лочь (еду)', *ho;ci:fon* 'называть', *ho;tá:non* 'заплетать (волосы)', *ó:mon* 'мешать (что-то густое)', *o;pi:non* 'измерять', *abatí:sin* 'поймать (что-то брошенное)', *á:san* 'качать на руках, убаюкивать', *holá:sin* 'врать', *hopá:nin* 'играть', *icoklámbin* 'показывать (язык)', *i:sin* 'взять (в т.ч. в жёны)', *iskoci:san* 'пускать (дым)', *nokcó:ban* 'останавливаться', *pi:sin* 'вскармливать', *stí:sin* 'жениться (на беременной женщине)'; к стативным глаголам относятся *ahó:pan* 'скучать', *hó:pan* 'быть больным', *no:ho:pan* 'иметь больное горло', *noksí:pan* 'быть злым', *alpi:san* 'чувствовать себя плохо', *imilhó:sin* 'прощать', *bànnan* 'хотеть, нуждаться', *ká:non* 'быть хорошим, здоровым', *kostí:nin* 'быть осторожным, мудрым' [Kimball 1991: 62, 65-66].

М.Митун называет коасати языком смешанного типа, в котором можно найти характеристики и номинативно-аккузативного (в нашей терминологии – номинативного), и агентивно-пациентивного (в нашей терминологии – активного) строя [Mithun 1999: 237]. Так, если у существительных различают шесть падежей (номинатив, аккузатив, локатив, аллатив, инэссив и автономный), причём номинатив сочетает макророли агенса и пациенса, то у местоименных аффиксов, присоединяемых к глаголам, насчитывается только три падежа (агентивный, пациентивный и дательный). Система флексий существительных функционирует по принципам номинативного строя, а местоименных аффиксов – по принципам активного строя. Третье лицо на глаголах не маркируется, будь то агенс или пациенс.

Митун приводит следующие примеры: *Yalí am-aw-ó-to-k simpón-c-o-to-k ónti-tow* (here 1POSS-grandfather-ART-NOMINATIVE NAME-ART-NOMINATIVE come.SG-PAST) ‘Сюда пришёл мой покойный дед Джим Пончо’ (‘дед’ стоит в номинативе, макророль – агент при непереходном действии), *Cokfi-k am-oklá-k i-ho-pá-hc-on onká* (rabbit-NOMINATIVE 1POSS-friend-NOMINATIVE 3AGT-be.hurt-IMPRF-DS.FOC be) ‘Мой друг Кролик ранен’ (‘друг Кролик’ стоит в номинативе, макророль – пациент), *Mi-t-o-k ó-la-t o-bittón lopó-toto-li-mpá-hco-k* (other-FOC-NOM arrive-CONN summit-ACC pass.by-REALIS-DEDUC-HEARSAY-HAB-PAST) ‘Ещё один приехал туда и перешёл вершину, так говорят’ (‘один’ стоит в номинативе, макророль – агент при переходном действии; ‘вершина’ стоит в аккумулятиве), *Nokcó-ba-li-t* (stop-1SG.A-PAST) ‘Я остановился’ (использован агентивный аффикс лица *-li-*), *Ca-nokco-bá-ci-t* (1PATIENT-stop-COMPULSIVE-PAST) ‘Меня остановило [что-то]’ (использован пациентивный аффикс лица *ca-*), *Ca-lóhk* (1PATIENT-be.tired) ‘Я устал’ (использован тот же пациентивный маркер лица).

В языке крик (крикском) мускогейской семьи присутствуют две серии аффиксов, обозначающие субъекты действия: агентивные и пациентивные. В следующих примерах употреблены агентивные аффиксы: /na:fk-éy-s/ ‘Я бью его/ её’, /hí:c-ey-s/ ‘Я вижу его/ её/ это’, /li:tk-éy-s/ ‘Я беру’, /lêyk-ey-s/ ‘Я сижу’, /latêyk-ey-s/ ‘Я упал (специально)’ [Martin, McKane 2004: XXVI] (в данном случае использована транскрипция). Как это обычно бывает в активных языках, переходность глагола на падеж субъекта не влияет. В следующих примерах употреблены пациентивные субъекты: /ca-na:fk-is/ ‘Он/ она бьёт меня’, /ca-hî:c-is/ ‘Он/ она видит меня’, /ca-híc-i:-s/ ‘Я вижу’, /ca-láw-i:-s/ ‘Я голоден’, /ca-latêyk-is/ ‘Я упал (случайно)’. Парадигма субъектных форм: а) агентивные: /yaheyk-éy-s/ ‘Я пою’, /yaheyk-íck-is/ ‘Ты поёшь’, /yaheyk-ís/ ‘Он/ она поёт’ (субъектной формы третьего лица не существует), /yaheyk-í:-s/ ‘Мы поём’, /yaheyk-á:ck-is/ ‘Вы поёте’; б) пациентивные: /ca-pinkal-í:-s/ ‘Я боюсь’, /ci-pinkal-í:-s/ ‘Ты боишься’, /pinkal-í:-s/ ‘Он/ она боится’, /ro-pinkal-í:-s/ ‘Мы боимся’ [Martin, McKane 2004: XXVII]. С агентивными субъектами употребляются глаголы /ahkoran-ítá/ ‘играть’, /akk-i:hk-ítá/ ‘прятаться в воде’, /ak-hatapk-ítá/ ‘спускаться’, /aklop-ítá/ ‘плавать, купаться’, /samiks-ítá/ ‘поднимать (голову)’, /a:faciseyc-ítá/ ‘осчастливить’, /como:tt-ítá/ ‘скакать, прыгать’, /coticeyc-ítá/ ‘(пре)уменьшать’, /saw-ítá/ ‘взять (в руки), поймать’, /icc-ítá/ ‘стрелять’, /inoceyc-ítá/ ‘надеть (на шею)’, /is-ítá/ ‘хватать, брать’; с пациентивными субъектами употребляются глаголы /a:fack-ítá/ ‘быть счастливым’, /akk-il-ítá/ ‘умереть в воде’, /ilinta:pp-ítá/ ‘споткнуться’, /i:lisk-ítá/ ‘сердиться’, /inhonł-ítá/ ‘верить’, /in-hot-ítá/ ‘быть нервным’, /inokk-ítá/ ‘быть больным’, /cikonn-ítá/ ‘хромать’, /como:tt-ítá/ ‘подпрыгнуть (от страха)’ [Martin, McKane 2004]. Префиксы, маркирующие пациентивность, используются в качестве притяжательных при существительных неотчуждаемой собственности и родственных отношений: /ca-sákpa/ ‘моя рука’, аналогично с /cokhissi/ ‘борода, усы’, /cok-háłpi/ ‘губа’, /cókwa/ ‘пот’, /i)li-ícki/ ‘его или её большой палец на ноге’, /ili-íssi/ ‘его или её волосы на ногах’, /iccósti/ ‘его дочь’, /iccóswa/ ‘её дочь’, /iccost-ahá:k-i/ ‘его невестка’, /icósi/ ‘его

младший брат, младшая сестра’, /íski/ ‘его или её мать’. С другой стороны, с существительными отчуждаемой собственности употребляются формы местоимений, совпадающие с дативными. Кроме того, префиксы, маркирующие пациентивность, употребляются и для обозначения субъектов при прилагательных (качества или состояния агентивности не требуют, отсюда пациентивная форма субъекта): /i)s-a:fáck-i/ ‘удовлетворённый, счастливый’, /colótk-i:/ ‘искалеченный’, /in-sarákk-i:/ ‘злой’, /inhóŋ-i:/ ‘ленивый’, /in-homíc-i:/ ‘яростный’, /i)nókk-i:/ ‘больной’, /iláw-i:/ ‘голодный’ (напр., /ci-láw-i-ti/ ‘Ты голоден?’).

Следующие примеры мы взяли из индейского языка тускарора ирокезской семьи [Mithun 1999: 220-221]. В тускароре присутствуют два ряда префиксов: агентивные и пациентивные. Так, в предложении *K-rì-yu-s* (1AGENT-kill-IMPRF) ‘Я убиваю (кого-то)’ префикс *k-* относится к агентивному ряду, аналогично в *K-aʔn-à-wà-s* ‘Я купаюсь’. Переходность глагола при этом роли не играет. С другой стороны, в предложении *Wak-rì-yu-s* (1PATIENT-kill-IMPRF) ‘Это убивает меня’ префикс *wak-* маркирует пациентивный субъект, аналогично в *Wak-hskà-r-àh* (1PATIENT-be-jealous-STATIVE) ‘Я ревную’. Следующие примеры должны продемонстрировать, какие глаголы относятся к активным и стативным. Активные: *K-túhar* ‘Я мою (это)’, *Í-k-weh* ‘Я говорю’, *K-ar-áʔna-tš* ‘Я дую’, *Í-k-hra-tš* ‘Я считаю’, *K-n-áʔn-àh* ‘Я кормлю’, *K-ar-è-rúheʔ* ‘Я бегу’, *K-íhrhaʔ* ‘Я пью’, *K-ʔikwáhnàh* ‘Я шью’, *K-aʔn-áʔry-à-s* ‘Я дышу’, *K-rakyé-was* ‘Я вытираю’, *K-kuwanáhthaʔ* ‘Я праздную’, *I-k-ha-ʔw* ‘Я подбираю это’, *K-nàhakàriʔnaws* ‘Я жарю маис’. Пассивные: *Wak-atkyè-yuʔ* ‘Я себя нехорошо чувствую’, *Wak-nàhwa-ks* ‘Мне плохо’, *Wak-ihé-yà* ‘Я мёртв’, *Wak-àhré-tis* ‘Я голоден’, *Wak-hshà-yàh* ‘Я медленный’, *Wak-yetkáhneʔ* ‘Меня преследуют’, *Wak-atšútkhú* ‘Я богат’, *Wak-n-áʔhrara-ʔr* ‘Я грязный’, *Wak-hráwh-àhθ* ‘Я одинок’, *Wak-tšha-ʔrá-ksà* ‘Я зол’, *Wak-aʔneθwé-kih* ‘Я хочу это’, *Wak-tikàhrá-ksàhθ* ‘Я несчастлив’, *Wak-atštù-ràʔ* ‘Я спешу’.

Следует отметить, что М.Митун, чью работу мы здесь цитируем, различает активно-стативные языки (активные в нашей терминологии) и агентивно-пациентивные, в которых агентивность субъекта играет большую роль, чем в активно-стативных. Например, в активно-стативных языках, как она их понимает, при глаголах действия субъект всегда стоит в активном падеже, а в агентивно-пациентивных субъект при таких глаголах может стоять и в пациентивном падеже, если подразумевается, что действие совершено вопреки воле субъекта (тускарора *Wak-tàhtáʔh* ‘Я потерпел неудачу’, *Waʔ-wak-tù-ràʔ* ‘Я обеднел’). Мы не придерживаемся её точки зрения, поскольку подобные отклонения от типичной картины активного строя недостаточны, чтобы постулировать существование ещё одного строя (агентивно-пациентивного). Определённые флуктуации в оформлении аргументов возможны при любом строе.

В гуарани, типичном языке типа Fluid-S, глагол *karú* имеет значение ‘обедать’ с агентивным субъектом и значение ‘быть обжорой’ с пациентивным [Andréasson 2001: 10]. Обычно такие разграничения присутствуют только у эквивалентов непереходных глаголов. С агентивными местоимениями в этом языке употребляются глаголы *yepasurú* ‘погружать’, *kašá*

‘шататься’, *kaʔi* ‘теряться’, *ké* ‘спать’, *ueká* ‘раскалываться’, *ma.apó* ‘работать’; с пациентивными – глаголы *uetíahi i* ‘быть голодным’, *aki* ‘быть нежным, неспелым’, *-akú* ‘быть горячим, тёплым’, *akwá* ‘быть быстрым’, *amiri* ‘быть мёртвым’, *apesii* ‘быть ровным’, *aranú* ‘быть мудрым’, *ateʔ* ‘быть ленивым’, *karapé* ‘быть коротким’, *moriahú* ‘быть бедным’; с агентивными или волитивными местоимениями в зависимости от контекста – *kaʔi* ‘напитаться’ (агентивно) и ‘быть пьяницей, пьяным’ (пациентивно), *mimi* ‘светить’ (агентивно) и ‘быть блестящим’ (пациентивно) [Andréasson 2001: 18]. Агентивность маркируется префиксом *á-*, пациентивность – префиксом *še-*.

В следующих примерах из активного австронезийского языка кеданг одни и те же глаголы (‘возвращаться’, ‘плакать’) употреблены сначала пациентивно, а затем агентивно: *Ebeng boraq bahe nape e bale=ke* (watch look.at COMPL then 1PL.EXCL return=1PL.EXCL.I) ‘Когда мы досмотрели, мы вернулись’ (местоименная клитика *ke* ‘мы’ обозначает пассивный субъект, т.е. возвращение в данном случае не зависело от воли говорящего) – *Bahe suo bale=dèq* (then they return=PFV) ‘Тогда они вернулись домой’ (местоимение *suo* ‘они’ причисляется к агентивным, если стоит перед глаголом, как в данном случае, т.е. возвращение зависело от воли говорящего); *Heri, o kua kueq=ko?* (Heri you why.2SG cry=2SG.I) ‘Хери, почему ты плачешь?’ (местоименная клитика *ko* ‘ты’ обозначает пациентивный субъект) – *Nuo kueq oti mawang=i* (s/he cry AGT.FOC 2.harm=SG.I) ‘Он/она плачет потому, что ты причинил ему/ей боль’ (местоимение *nuo* ‘он, она’ агентивно, если стоит перед глаголом, как в данном случае) [Klamer 2008: 232].

Индийский язык чикасо является номинативным, если судить по маркировке существительных (номинатив имеет суффикс *-at*, аккузатив – суффикс *-a*, впрочем, зачастую необязательный), но если судить по маркировке глагола, то это типичный язык активного строя. Агентивные местоименные аффиксы глагола подразумевают, что действие совершается субъектом волитивно, пациентивные местоименные агенты используются преимущественно с глаголами состояния и маркируют отсутствие воздействия субъекта на описываемое глаголом состояние или качество. Имеются также дативные суффиксы, использующиеся с глаголами ментальных состояний. К агентивным глаголам причисляются *áuyas'sha* ‘жить, существовать’, *aha'anhi* ‘быть осторожным’, *malli* ‘прыгать’, *yahmanhi* ‘обращать внимание’; к пациентивным – *chaaha* ‘быть высоким’, *chiwiiki* ‘быть тяжёлым’, *lhinko* ‘быть толстым’, *kapassa* ‘быть холодным’, *tikahbi* ‘быть усталым’, *abika* ‘быть больным’; к агентивным или пациентивным в зависимости от контекста – *habishko* ‘чихать’, *chokfiyammi* ‘икать’, *illi* ‘умирать’, *ittola* ‘упасть (случайно)’ (т.е. неволитивные действия), ср. *Chokmali* ‘Я поступаю хорошо’ (агентив.) vs. *Sa-chokma* ‘Я хороший’ (паци.) [Andréasson 2001: 26-27].

Структурная близость индоевропейских безличных конструкций с аккузативными субъектами (*Меня тошнит*) и конструкций с пациентивными субъектами в активных языках столь велика, что Э.Сепир высказал мнение, согласно которому пациентивные субъекты в индийских языках

представляют собой на самом деле объекты действия при переходных глаголах с опущенным субъектом [Malchukov 2008: 76]. Таким образом, если в том или ином активном языке говорят ‘Меня спит’ вместо ‘Я сплю’, то подразумевается, что в данной конструкции присутствует скрытый субъект в третьем лице (‘оно’, например) в рамках номинативного строя. Само существование грамматических систем, отличных от номинативной, Сепиром не допускается. Мы здесь придерживаемся иной точки зрения – похожие на безличные конструкции активных языков не подразумевают неких скрытых деятелей, стоящих в номинативном падеже, а обходятся без номинативного падежа и, если такой падеж когда-то в них присутствовал, в процессе деноминативизации они теряют его вследствие своих грамматических особенностей, постепенно превращая падеж объекта действия в падеж пациентивного/ стивного субъекта. Некоторые такие особенности мы уже перечисляли выше: порядок слов SOV (маркер объекта стоит перед глаголом, как и маркер субъекта), отсутствие маркера агенса третьего лица на глаголе (в сочетании с опускающимся местоимением), отсутствие разграничения между переходными и непереходными глаголами, а также отсутствие обширной системы флексий, которая могла бы дополнительно разграничивать субъекты и объекты. К этому А. Мальчуков добавляет согласование глаголов с объектами действия, также типичное для активных языков, ср. дакота *Ni-si'ca* (2PL.P-bad) ‘Вы плохие’ – *Ni-kte'* (2PL.P-kill) ‘Он убивает вас’, дословно ‘Вас убивает’ (в первом случае использован пациентивный субъект, во втором – объект действия, форма их одинакова; отдельного местоимения ‘он’ или маркера третьего лица на глаголе нет, морфемы переходности нет, благодаря чему непереходные глаголы с пациентивными субъектами и переходные глаголы с дополнениями при опущенных подлежащих третьего лица идентичны), гуарани *Še-manu'á* (1SG.P-remember) ‘Я помню’ – *Še-peté* (1SG.P-hit) ‘Он ударил меня’ (глагольные формы также идентичны, маркеров субъекта нет) [Malchukov 2008: 83]. Таким образом, можно предположить, что при регулярном употреблении высокочастотных фраз типа ‘Меня тошнит’, ‘Меня спит’, ‘Меня голодит’ и т.п. без субъектов и без маркеров субъектов на глаголе, зато с неопущенными объектами действия подобные конструкции могли быть переосмыслены: дополнения могли превратиться в пациентивные субъекты, а истинные субъекты могли быть забыты. Особенно вероятно такое объяснение для коасати, языка смешанного номинативно-активного типа: ср. *Ca-libátli-t* (1SG.P-burn-PAST) ‘Меня обожгло’ – *Nihahcí ikba-ka-libátli-t* (grease hot-NOM 1SG.P-burn-PAST) ‘Горячий жир обжёт меня’ (форма глагола в обоих случаях одинакова, первое предложение ничем формально не отличается от второго, кроме отсутствия субъекта; согласования глагола с подлежащим во втором предложении нет) [Malchukov 2008: 80-81].

Отдельно следует сказать о глаголах чувственного восприятия, эмоциональной и ментальной активности, составляющих особую группу в некоторых активных языках. Субъекты при них стоят в дательном падеже, если таковой присутствует в данном языке. Соответственно, наиболее близкими их эквивалентами в русском можно назвать *Мне слышно*, *Мне*

ненавистно, Мне любо, Мне холодно, ср. бацб. *Митун хьо гу* ‘Мито (дат. п.) видит тебя’ или ‘Мито ты виден’, *Сандруин цо йагино Москюва* ‘Сандро (дат. п.) не видел Москвы’, *Сандруин йецино Москюва* ‘Сандро (дат. п.) любил Москву’ [Дешериев 1953: 233]. Ю.Д.Дешериев называет следующие глаголы, употребляемые в дативной конструкции (все стоят в форме повелительного наклонения и масдара): *д-агар, гиб!* ‘будь видным!’, *хацар, хац!* ‘услышь!’, *хетар, хет!* ‘покажись, будь найденным!’, *хаар, ха!* ‘узнай!’, *лаар, ла!* ‘(по)желай!’, *даццар, дацц!* ‘(о)знакомься!’, *моттар, мотт!* ‘думай!’, *децар, дец!* ‘люби, нравься, будь нужным!’, *макиар, маки!* ‘будь годным, могущим!’, *токъар, токъдеб!* ‘будь достаточным, хватай!’, *эшар, эш!* ‘будь в недостатке, будь нужным!’, *кардар, кардеб!* ‘достань, найди!’, *киортидар, кюртидеб!* ‘надоедай, будь надоевшим!’, *къастар, къасти!* ‘отделись!’, *декъдалар, декълиб!* ‘разделись, отделись!’, *тагар, таг!* ‘будь к лицу, подходящим!’, *цонаддалар, цоналлиб!* ‘нравься!’, *дицдалар, дицлиб!* ‘забудь!’, *тарлъдалар, тарлълиб!* ‘кажись похожим!’, *дакидодар, дакидо’деб!* ‘вспомни, припомни!’ [Дешериев 1953: 161-162].

Как отмечает Г.А.Климов, аффективные конструкции зачастую требуют особый «аффективный» ряд личных глагольных аффиксов (напр., в языках сиу, мускоги и, по всей видимости, в ирокезских) [Климов 1977: 120]. Так, в построении *Ne wówari yasíka mn-ihu* ‘Газеты, которые ты хочешь, у меня’ на языке ассинибойн глагольная словоформа содержит префикс первого лица «аффективного ряда» *mn-*. В ирокезском языке сенека наличествует аналогичный личный префикс *aka-*: *Aka-thuⁿ-te* ‘Я слышу’. Употребляемые в таких конструкциях глаголы относятся обычно к стативным. В этом отношении примечательно, что М.М.Гухман связывала существование аффективных конструкций в индоевропейских языках с делением глаголов на активные и стативные в праязыке [Климов 1977: 122].

М.Митун приводит следующий пример дативной конструкции из языка хайда: *Am-ayóhki-s* (1SG.DATIVE-feel.acrophobia-PAST) ‘Я боюсь высоты’, ср. *St-am-il* (INSTR-1SG.DATIVE-arrive.here) ‘Принеси это мне’ (‘я’ в первом предложении имеет ту же форму *am*, что ‘мне’ во втором, и не соответствует описанному выше пациентивному субъекту *di* ‘я’) [Mithun 1999: 238]. Аналогично в языке микасуки мускогейской семьи: *An-kabq-lon* ‘Мне холодно’ (*an-* – местоимение-субъект в дательном падеже), ср. *An-tako-slom* ‘Она режет это мне (для меня)’ [Mithun 1999: 465]. Конструкции с дативными субъектами встречаются в активном языке начез (Natchez), генетические связи которого неизвестны: *Neš-na-caⁿ* дословно ‘Мне невозможно’, т.е. ‘Я не могу’ [Mithun 1999: 468].

Хорошо описаны дативные субъекты для активного языка чокто [Broadwell 2006: 137-142]. В этом языке присутствуют три ряда маркеров лица: субъектные, объектные и дативные. Производители действия при переходных глаголах маркируются субъектными маркерами, прямые дополнения – объектными, источник или цель – дативными (напр., *Am-anolito-k* ‘Он сказал мне’, где *am* – цель, *-li* – производитель действия). Непереходные глаголы, описывающие активные действия типа ‘бежать’, тоже

требуют агентивных маркеров лица, стативные глаголы типа ‘быть толстым’ требуют объектных маркеров. Некоторые глаголы требуют при себе дативных субъектов: *imachibbah* ‘быть уставшим’, *ichiloosah* ‘быть одиноким’, *ihaboofah* ‘быть измождённым’, *imihaksih* ‘забыть’, *itakohbih* ‘быть ленивым’, *imachokmah* ‘чувствовать себя хорошо’, *ikapassah* ‘чувствовать холод’, *imokhliliikah* ‘быть без сознания’, *isikiblih* ‘быть сексуально возбуждённым’, *ipalammih* ‘страдать’. Некоторые психические и физические состояния передаются с помощью субъектов, форма которых совпадает с формой прямого дополнения при переходных глаголах: *ayokpolookah* ‘быть немощным физически или психически’, *chalakwah* ‘болеть корью’, *chokfollih* ‘иметь головокружение’, *chonookabih* ‘болеть воспалением лёгких’, *hoochafoh* ‘быть голодным’, *hottopah* ‘быть раненым’, *ilbashah* ‘быть бедным, жалким’, *kauyah* ‘быть беременной’, *kotah* ‘быть слабым’, *ko-waashah* ‘быть низкорослым’, *liyaphoh* ‘болеть проказой’, *niyah* ‘быть толстым’, *nokbikiilih* ‘задышаться’, *nokshilah* ‘иметь простуженное горло’. Почти все глаголы такого рода относятся к физическим и психическим состояниям, хотя есть и исключения: *ikanihmih* ‘выздоровливать’, *itiballih* ‘делать ошибку’.

В языках, где датив отсутствует, используется пациентивный падеж: коасати *Cim-lo, V'W, kba* (2SSTATS-be:warm,Q) ‘Тебе тепло?’, *Kom-akásno-:s* (1PLSTATS-be:hungry(PL)-IPAST) ‘Мы голодны’, *Im-akasámk* (3STATS-be:depressed/despair) ‘Он в отчаянии’ [Kimball 1991: 254-255]. Таким образом, русским дативным конструкциям могут соответствовать конструкции либо с дативными, либо с пациентивными субъектами в активных языках.

О том, что для деноминативных языков более типичны дативные субъекты, чем для номинативных, свидетельствуют следующие статистические данные Дж.Николс [Nichols 2008]. Автор проверила наличие дативных субъектов у следующих двадцати глаголов: ‘видеть’, ‘забывать’, ‘помнить’, ‘быть голодным’, ‘хотеть пить’, ‘чувствовать холод’, ‘радоваться/ быть счастливым’, ‘сожалеть’, ‘нравиться’, ‘бояться’, ‘злиться’, ‘чихать’, ‘дышать’, ‘стоять’, ‘прыгать’, ‘летать’, ‘падать’, ‘кричать’, ‘плакать’, ‘смеяться’. В русском 15% глаголов из данного списка требовали дативных субъектов, в болгарском – 10%, в осетинском – 18% (в данном случае были найдены эквиваленты не 20-и, а 19-и глаголов), в грузинском – 43%, в ингушском – 35%. Два последних имеют черты эргативного и/ или активного строя. Дополнительно автором были проведены подсчёты по тем же языкам (плюс чеченский) на основе корпусов различного размера. Так, по её подсчётам, в болгарском из всех проверенных высказываний только 1% содержал дативные субъекты, в 177 русских предложениях она не нашла ни одного дативного субъекта, в 89 предложениях на осетинском языке только 1% имел дативные субъекты, в грузинском дативные субъекты содержались в 6% высказываний, в чеченском – в 8%, в ингушском – в 4%. Николс признаёт, что подобные сопоставления различных по объёму текстовых корпусов нельзя назвать репрезентативными, но всё же считает, что некоторые тенденции проявляются и в таких исследованиях достаточно чётко. Действительно, по её подсчётам видно, что во всех трёх языках с чертами эргативного и/ или активного строя дативных субъектов больше,

чем во всех трёх номинативных языках. Это подтверждает результаты по дативным субъектам при 20-и перечисленных выше глаголах.

Конструкции типа рус. *Я работал – Мне работалось*, поль. *Spało mi się bardzo smacznie* ‘Мне спалось очень хорошо’ – *Spałem bardzo smacznie* ‘Я спал очень хорошо’ [Kortlandt 1983: 319], лит. *Nesimiegojo ir Jonui* ‘Не спалось и Иоанну’ также типичны для активных языков. В языке микасуки в некоторых случаях можно выбирать между дативными и агентивными субъектами: *No-cipa-li* ‘Я хочу спать’ (-*li* – агентивный аффикс) vs. *Ca-no-ci-pom* ‘Мне хочется спать’ (*ca-* – дативный аффикс) [Mithun 1999: 465]. М.Митун приводит соответствующие примеры из центрального помо: *Wéno ʔa: sdi-ǵ* ‘Я проглотил (специально) своё лекарство’ vs. *Ǵhawé qadó-n ɸ: sdiǵ* ‘Я проглотил жвачку (случайно)’ [Mithun 1999: 218]. Такое же разграничение присутствует в восточном помо [Andréasson 2001: 39] и лакоте (например, *Huwákaše* ‘Я споткнулся (специально)’ vs. *Humákaše* ‘Я споткнулся (случайно)’) [Andréasson 2001: 40]. В табасаранском языке нахско-дагестанской семьи глаголы делятся на употребляющиеся с агентивными субъектами (*Daqun-za* ‘Я лёг’, *Rižun-za* ‘Я заплакал’, *Ružun-za* ‘Я пришёл’, -*za* является агентивным глагольным суффиксом 1 л. ед. ч.), употребляющиеся с пациентивными субъектами (*Kabqun-zu* ‘Я утонул’, *RarRun-zu* ‘Я замёрз’, *Ergra-zu* ‘Я устал’, -*zu* является пациентивным суффиксом 1 л. ед. ч.) и употребляющиеся с агентивными или пациентивными субъектами в зависимости от степени волитивности (*Ruzun-za* ‘Я остался [по своей воле]’ – *Ruzun-zu* ‘Я остался [против воли]’, *Aqun-za* ‘Я упал [по своей воле]’ – *Aqun-zu* ‘Я упал [случайно]’) [Arkadiev 2008: 109]. Как отмечает Г.А.Климов, в позднеактивный период количество глаголов категории непроизвольного действия сокращается, в ней остаются только *verba sentienti* и *verba affectuum* [Климов 1977: 182].

Наконец, метеорологические конструкции в активных языках имеют форму 3 л. ед. ч., субъект отсутствует. Также в активных языках можно найти примеры типа ‘Идёт дождь’: центр. помо *Č^hé mul* дословно ‘Дождь падает’ [Mithun 1999: 181]. В чокто возможны оба варианта: *Oba-tok* (rain-PT) ‘Дождило’ (где глагол стоит в форме 3 л. без субъекта с маркером прошедшего времени *tok*) и *Oklahomma-to aay-oktoshá-h* (Oklahoma-NM2 LOC-snow-TNS) ‘Оклахома снежит’ (‘Оклахома’ здесь выступает субъектом, хотя локативный префикс на глаголе даёт понять, что подразумевается место, где идёт снег, а не производитель действия) [Broadwell 2006: 32, 157]. Если глагол, выражающий метеорологические явления или какие-то неволитивные действия, стоит в том или ином языке не в форме среднего или неодоушевлённого рода, то одной из возможных причин является иное деление субстантивов на классы. Например, в индейском языке туника существительные принадлежат либо к мужскому, либо к женскому роду, причём женский род включает в себя и обозначения большинства неодоушевлённых предметов, в т.ч. абстракции. Именно женский род считается немаркированным. Соответственно, глаголы упомянутых категорий содержат в себе маркеры субъектов женского рода, хотя сами субъекты отсутствуют: *Ih-cha-katí* (1SG.-O-breathe-2SG.F.A) ‘Я дышу’, дословно ‘Меня

дышит' (в глаголе суффикс *-katí* маркирует производителя действия женского рода, но только формального, т.е. соответствующего русскому формальному производителю действия среднего рода) [Nichols 2008: 128]. В активном аравакском языке куррипако, не принадлежащем к типу Fluid-S, всё же присутствует один глагол, *-idza-*, допускающий использование агентивного или пациентивного субъекта в зависимости от значения: с агентивным субъектом он обозначает 'плакать', с пациентивным – 'дождить', ср. *Li-idza-ka* (3SG.M-cry-PROG) 'Он плачет' – *Idza-ka-ni* (rain-PROG-3SG.M) 'Дождит' [Danielsen, Granadillo 2008: 409-410]. Очевидно, под пациентивностью здесь подразумевается отсутствие активного производителя действия. Маркеры агентивности и пациентивности присоединяются к самому глаголу. В куррипако немаркированным родом является мужской, потому глагол 'дождить' содержит маркер мужского рода. Помимо мужского имеется ещё женский, но не средний.

Таким образом, генезис имперсонала представляется нам напрямую связанным с грамматической структурой доиндоевропейского языка, а именно с его (поздне)активным строем. Активный строй представляет собой не более чем альтернативный способ организации высказывания, встречающийся относительно редко по сравнению с номинативным и эргативным. Это не должно, однако, свидетельствовать о его примитивности или архаичности, о наличии какой-то связи между уровнем цивилизационного развития или какими-то культурами и языковым строем. Взаимосвязь культурных концептов и грамматики нельзя, с другой стороны, отрицать полностью. Несомненно, что в зависимости от характерных для данного общества определённого исторического периода культурами носители языка могут отдавать предпочтение тем или иным грамматическим формам, что теоретически может привести не только к повышению частотности этих форм, но и к отмиранию их «конкурентов». В связи с распространённостью в русском безличных конструкций следует обратить внимание на то, сколь часто носителям русской культуры приписывают желание изъясняться скромно, нехвастливо, неброско по сравнению с представителями западных культур, особенно американцев. Безличные конструкции позволяют сделать высказывания более вежливыми (*Мне хотелось бы* вместо *Я хочу*) и менее затрагивающими личную сферу собеседника (*Нужно* вместо *Ты должен*), что могло способствовать их распространению. Данная культура, которую можно назвать Принципом скромности, имеет и множество других способов выражения. Например, культурологи, социологи и этнолингвисты отмечают, что у представителей русского этноса не принято имитировать хорошее самочувствие и отличное состояние дел, выраженное в популярных особенно у американцев ответах на вопрос *Как дела?* типа *Отлично, Замечательно* [ср. Манакин 2004: 25-26]. Как известно, в русском культурном пространстве предпочтительнее формулировки типа *Неплохо, Нормально, Помаленьку, Ничего* и т.п. С другой стороны, Принцип скромности русских не идёт ни в какое сравнение с аналогичной культурой японцев, прибегающих к формулировкам, которые русские бы сочли самоуничижительными: говоря о себе и своих близких, японец склонен употреблять выражения типа «жалкий

тип», «мерзкая жена», «сущий кретин», в то время как жене собеседника он припишет ослепительную красоту и редкие добродетели.

Таким образом, можно предположить, что многовековое доминирование определённой культуры может как-то отразиться на частотности лексических и фразеологических единиц, а также некоторых грамматических структур, но едва ли какая-то культура или их совокупность способны преобразовать язык столь глубоко, как он преобразуется при номинативизации или деноминативизации. Следует подчеркнуть, что в случае Принципа скромности существуют конкретные статистические данные, подтверждающие его выражение на языковом уровне, в частности в реакциях на комплименты [Серебрякова 2001]. В этом состоит его отличие от спекуляций на тему русской пассивности и фатализма.

Подведём итоги. Г.А.Климов считает реликтами активного строя следующие черты индоевропейского праязыка, описанные в данной работе: недифференцированность прямого и косвенного дополнений, отсутствие инфинитивов и связочного глагола, слабая развитость прилагательных, супплетивность глаголов типа 'идти', 'приходить', 'бежать', 'нести', 'приносить', 'вести', 'брать', 'есть', 'говорить', 'бить', 'быть', 'попадать'; невыработанность сквозной системы спряжения, употребление способов действия вместо времён, неразличение форм числа у существительных среднего рода (отсутствие множественного числа), вообще неразвитость флексий в раннем индоевропейском, порядок слов SOV, центробежные и центростремительные версии глаголов, ставшие со временем активом и медиум [Климов 1977: 209-213, 296]. Следует отметить, что в последние годы некоторые характеристики активных языков, которые Г.А.Климов ассоциирует с активным строем, были поставлены под сомнение, в т.ч. отчуждаемая-неотчуждаемая собственность и разграничение инклюзивных и эксклюзивных местоимений 1 л. мн. ч. [Nichols 1990]. С другой стороны, статистически подтверждены были тезисы Г.А.Климова о корреляции между активным строем и категорией аспекта, глагольным выражением принадлежности (глаголом 'быть' и другими стативными глаголами вместо 'иметь'), отсутствием пассива, наличием основного и вторичного дополнений вместо прямого и косвенного [Wichmann 2008]. Тезисы Климова о реликтах активного строя в индоевропейском праязыке, в т.ч. в имперсонале, не были опровергнуты за последние десятилетия, хотя и ставились под сомнение некоторыми авторами.

Поскольку Г.А.Климов, У.Леман, В.В.Иванов и Т.В.Гамкрелидзе приводят относительно немного примеров из активных языков, в данной работе особый акцент был сделан на проверке их аргументов более детальными данными по многим индейским языкам, причисляемым к активным или номинативно-активным. Эти данные подтвердили перечисленные выше параллели между современными деноминативными языками и предполагаемыми характеристиками предка индоевропейской семьи. Кроме того, на основе социологических данных было продемонстрировано отсутствие всякой связи между имперсоналом и особенностями менталитета типа фатализма и иррационального мировоззрения. Имеются некоторые основания предполагать, что в случае русского языка реликты ак-

тивного строя закрепились и отчасти развились благодаря субстратальному влиянию финно-угорских языков, обладающих реликтами эргативного строя.

ЛИТЕРАТУРА

- Andréasson 2001 – *Andréasson D.* Active languages. Thesis for the degree of Bachelor of Arts in General Linguistics. Stockholm University, 2001.
- Arkadiev 2008 – *Arkadiev P.M.* Thematic roles, event structure, and argument encoding in semantically aligned languages // *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford, 2008.
- Barðdal, Eythórsson 2009 – *Barðdal J., Eythórsson T.* The Origin of the Oblique Subject Construction: An Indo-European Comparison // *Grammatical Change in Indo-European Languages*. Amsterdam, 2009.
- Bet on your future 1999 – *Bet on your future* // *Boca Raton News*, 1. Nov. 1999.
- Bowman 2009 – *Bowman K.* Are Americans Superstitious? // *Forbes*, 03.09.2009, <http://www.forbes.com/2009/03/06/superstitious-ufo-alien-conspiracy-opinions-columnists-superstition.html>
- Broadwell 2006 – *Broadwell A.* A Choctaw Reference Grammar. Lincoln, 2006.
- Dahl 1990 – *Dahl Ö.* Standard Average European as an exotic language // *Toward a Typology of European Languages*. Berlin, 1990.
- Danielsen, Granadillo 2008 – *Danielsen S., Granadillo T.* Agreement in two Arawak languages: Baure and Kurripako // *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford, 2008.
- Gallup, Newport 2004 – *Gallup A., Newport F.* The Gallup Poll. Public Opinion 2004. Lanham, 2004.
- Glauben Sie, dass Schicksal und Vorbestimmung Einfluss auf Ihr Leben haben? 2008 – Glauben Sie, dass Schicksal und Vorbestimmung Einfluss auf Ihr Leben haben? // Интернет-страница Statista GmbH, 30.09.2008, <http://de.statista.com/statistik/diagramm/studie/86350/umfrage/schicksal-und-vorbestimmung-haben-einfluss-auf-eigenes-leben/#info>
- Goddard 2002 – *Goddard C.* Ethnosyntax, Ethnopragmatics, Sign-Functions, and Culture // *Ethnosyntax: Explorations in Grammar and Culture*. Oxford, 2002.
- Greenberg 1976 – *Greenberg J.H.* Language Universals. Hague, 1976.
- Hale 1883 – *Hale H.* The Tutelo Tribe and Language // *Proceedings of the American Philosophical Society*, XXI, No. 114, 1883.
- Havas 2008 – *Havas F.* Unmarked Object in the Uralic Languages. A Diachronic Typological Approach // *Linguistica Uralica*, XLIV, Heft 1 (2008).
- International Religious Freedom Report 2004 – International Religious Freedom Report 2004 // Интернет-страница Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor (US Department of State), 2004. <http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2004/index.htm>

- Kimball, Abbey 1991 – *Kimball G.D., Abbey B.* Koasati Grammar. Lincoln, 1991.
- Klamer 2008 – *Klamer M.* The semantics of semantic alignment in Eastern Indonesia // *The Typology of Semantic Alignment.* Oxford, 2008.
- Klein 2004 – *Klein S.* Alles Zufall: Die Kraft, die unser Leben bestimmt. Reinbek, 2004.
- Kortlandt 1983 – *Kortlandt F.* Proto-Indo-European verbal syntax // *Journal of Indo-European Studies* 11 (1983).
- Lehmann 1993 a – *Lehmann W.P.* Theoretical Bases of Indo-European Linguistics. London, 1993.
- Lehmann 1993 b – *Lehmann W.P.* Old English postpositions as residues of OV order // *Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte der englischen Sprache und zur altenglischen Literatur.* Festschrift für Hans Schabram zum 65. Geburtstag. München, 1993.
- Malchukov 2001 – *Malchukov A.* Split intransitives, experiencer objects, and «transimpersonal» constructions: (re-)establishing the connection // *Dimensions of possession.* Amsterdam-Philadelphia, 2001.
- Martin, McKane 2004 – *Martin J.B., McKane M.M.* A Dictionary of Creek/Muskogee. Lincoln, 2004.
- Meier-Brügger 2002 – *Meier-Brügger M.* Indogermanische Sprachwissenschaft. 8. Aufl. Berlin, 2002.
- Mithun 1999 – *Mithun M.* The Languages of Native North America. Cambridge, 1999.
- More Americans Believe in the Devil, Hell and Angels than in Darwin's Theory of Evolution 2009 – More Americans Believe in the Devil, Hell and Angels than in Darwin's Theory of Evolution // Harris Interactive Inc. 10.12.2008, http://www.harrisinteractive.com/harris_poll/index.asp?PID=982
- Mowen, Carlson 2003 – *Mowen J.C., Carlson B.* Exploring the antecedents and consumer behavior consequences of the trait of superstition // *Psychology and Marketing.* Bd. 20. Nu. 12.
- Nichols 1990 – *Nichols J.* Some preconditions and typical traits of the stative-active language type // *Language Typology 1987. Systematic Balance in Language.* Papers from the Linguistic Typology Symposium, Berkeley, 1-3 December 1987. Amsterdam/Philadelphia, 1990.
- Nichols 2008 – *Nichols J.* Why are stative-active languages rare in Eurasia? A typological perspective on split-subject marking // *The Typology of Semantic Alignment.* Oxford, 2008.
- «Omega Code» stokes fears of end times 1999 – «Omega Code» stokes fears of end times // *American Atheist News*, 25.10.1999, <http://www.hartford-hwp.com/archives/29/022.html>
- Pavlova 2009 – *Pavlova A.* Ob sich alles Bemerkenswerte in der Sprache niederschlägt? (Am Beispiel russisch-deutscher lexikalischer Vergleiche) // *Acta Linguistica.* Vol. 3. Nu. 3 (2009).
- Politics and Religion Poll 2009 – Politics and Religion Poll. Bureau of Social Research, 6-14.04.09, <http://www.scribd.com/doc/14813768/Religious-globalization-suggested-by-Romanian-study>

- Quiles 2007 – *Quiles C.* A Grammar of Modern Indo-European: Language & Culture, Writing System & Phonology, Morphology and Syntax. Indo-European Language Association, 2007.
- Riggs 1883 – *Riggs S.* Dakota Grammar, Texts, and Ethnography. Washington, 1883.
- Schmidt 1987 – *Schmidt U.* Impersonalia, Diathesen und die deutsche Satzgliedstellung. Bochum, 1987.
- Schreiber 2007 – *Schreiber M.* Der Schatten Schicksal // Spiegel, 1 (2007).
- Seefranz-Montag 1983 – *Seefranz-Montag A.v.* Syntaktische Funktionen und Wortstellungsveränderungen: Die Entwicklung «subjektloser» Konstruktionen in einigen Sprachen. München, 1983.
- Speyer 1896 – *Speyer J.S.* Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1896.
- The World Factbook 2009 – The World Factbook 2009. Washington, 2009.
- Wichmann 2008 – *Wichmann S.* The study of semantic alignment: retrospect and state of the art // The Typology of Semantic Alignment. Oxford, 2008.
- Бавин 2005 – *Бавин П.* Азартные люди и азартные игры // Фонд «Общественное мнение». Доминанты, № 31, 04.08.2005, http://bd.fom.ru/report/cat/play_mo/of053106
- Бедные и богатые: рефлексия 2005 – Бедные и богатые: рефлексия // Россия выбирает, № 46 (2005).
- Дектерёв 2009 – *Дектерёв В.* Кризис в человеческом измерении // Правда, № 73 (2009).
- Дешериев 1953 – *Дешериев Ю.Д.* Бацбийский язык: Фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М., 1953.
- Елизаренкова 1982 – *Елизаренкова Т.Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Жизнь под знаком Зодиака: В кого и во что верят россияне? 2009 – Жизнь под знаком Зодиака: В кого и во что верят россияне? // Пресс-выпуск ВЦИОМ, № 1134, 15.01.2009, <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/11217.html>
- Заккрытие казино: перестанут ли играть азартные россияне? 2009 – Заккрытие казино: перестанут ли играть азартные россияне? // Пресс-выпуск ВЦИОМ, № 1259, 02.07.09, <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/12069.html>
- Зарецкий 2008 – *Зарецкий Е.В.* Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань, 2008.
- Иванов 1965 – *Иванов В.В.* Общеиндоевропейская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). М., 1965.
- Климов 1977 – *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
- Манакин 2004 – *Манакин В.Н.* Сопоставительная лексикология. Киев, 2004.
- Мужчины склонны верить в себя, а женщины – в судьбу 2008 – Мужчины склонны верить в себя, а женщины – в судьбу // Интернет-страница Исследовательского центра SuperJob, 19.07.2008, <http://www.superjob.ua/groups/topics/929/>

Е.В.Зарецкий

Серебрякова 2001 – *Серебрякова Р.В.* Национальная специфика комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах // *Язык, коммуникация и социальная среда: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Воронеж, 2001.*